

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a young man and woman in historical or fantasy attire. The woman, in the foreground, has long brown hair and wears a light grey headscarf. The man, behind her, has long blonde hair and a light beard, wearing a tan tunic with dark embroidery. They are standing on a rocky cliff overlooking a blue sea. In the distance, a white stone building with two prominent domes and crosses sits on a hill under a bright blue sky with scattered white clouds.

АЛЕНА ЦВЕТКОВА

Хозяйка Лукоморья

ДВОРЯНКА ИЗ БУДУЩЕГО

Алёна Цветкова

Хозяйка лукоморья

«Автор»

2026

Цветкова А.

Хозяйка лукоморья / А. Цветкова — «Автор», 2026

Анна, химикнедоучка, приехала к брату на раскопки в Тамань отдохнуть у моря. Но после удара молнии очнулась в середине XI века — в загадочной Тмутаракани. Чужой язык, непривычный быт, суровые нравы и раненный воин на руках. Анна пытается просто выжить, но нечаянно меняет мир вокруг себя, шаг за шагом, опираясь на интуицию и крупницы научных знаний. И постепенно понимает: Тмутаракань — её новый дом. А она не чужая в этом мире, она — хозяйка лукоморья.

© Цветкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	14
Глава 7	16
Глава 8	20
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	29
Глава 13	31
Глава 14	34
Глава 15	37
Глава 16	39
Глава 17	41
Глава 18	43
Глава 19	45
Глава 20	47
Глава 21	49
Глава 22	51
Глава 23	53
Глава 24	55
Глава 25	57
Глава 26	59
Глава 27	61
Глава 28	63
Глава 29	65
Глава 30	67
Г	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алёна Цветкова

Хозяйка лукоморья

Глава 1

Полуденное солнце плавило воздух над Таманским городищем. Крохотные пятнышки теней от раскопочных маркеров дрожали в знойном мареве, словно мираж. Анна стояла под кроной большого каштана, наблюдая за работой брата и его однокурсников.

Кирилл, в выцветшей кепке и перепачканных землёй джинсах с драной бахромой по низу, увлечённо просеивал грунт через мелкую сетку. Рядом его приятель Артём аккуратно зачищал стенку раскопа кисточкой. Время от времени они перебрасывались короткими фразами, сверялись с чертежами и делали пометки в блокнотах.

— Ну как, нашёл что-нибудь эпохальное? — крикнула Анна, прикрывая глаза от слепящего света.

Кирилл вздрогнул, поднял голову и, радостно улыбаясь, выскочил к ней: — Анька! Приехала! Почему не сообщила? Я бы встретил! — Он обнял сестру, крепко сжимая плечи. — Как доехала? — Нормально, — отмахнулась она. — Лучше скажи, ты точно с профессором договорился? Можно мне в вашем лагере пожить? — Точно, — кивнул Кирилл. — Я уже тебе место в палатке приготовил. Тёмку выселил. — И, не сдержавшись, радостно загоготал.

Анна не была археологом, просто приехала на Тамань в отпуск, чтобы провести пару недель с братом. Куратор раскопок, добродушный профессор с седой бородой, разрешил ей жить в полевом лагере: «Только не мешайте ребятам работать!»

Она и не собиралась мешать. Всё необходимое было в рюкзаке: припасы, аптечка, сменная одежда, купальник и прочие мелочи для походной жизни.

— Вон, видишь жёлтую палатку с краю? — Кирилл махнул в сторону холма. — Это моя. Брось туда вещи и тащи свою задницу в море. Оно тут в двух шагах. А мы позже придём, кажется, мы что-то нашли...

Анна кивнула и неспешно пошла в сторону жёлтой палатки, обходя по краю раскопа сектор «Б». Она разглядывала аккуратно размеченные квадраты, вдыхала запах сухой земли, пыли и горячего металла инструментов. Монотонно стрекотали цикады.

Вдруг тишина взорвалась резким порывом ветра. Он взметнул пыль, заставив Анну прикрыть лицо рукой. Небо за считанные мгновения превратилось в свинцовую стену. На горизонте, над Азовским морем, вздыбилась чёрная, рваная, будто растерзанная когтями неведомого зверя, туча.

— Вот это поворот... — пробормотала Анна, чувствуя, как внутри сжимается тревожный комок.

Ветер рванул с такой силой, что палатки затрещали, а маркеры полетели по степи, словно сухие листья. Кирилл и Артём бросились закреплять оборудование, перекрикивая шум стихии.

— Анька, спрячься в палатке! — крикнул брат, бросаясь спасти кухонный навес, вздыбившийся от ветра.

Она рванулась вперёд, но не успела сделать и трёх шагов. Ослепительная молния вспорола небо. Грянул гром — такой, что заложило уши, а по спине пробежал ледяной холодок. Дождь хлынул стеной, мгновенно превращая сухую землю в липкую грязь.

А потом она услышала тревожное ржание. Громкое, резкое, как будто бы неведомый конь звал на помощь.

Ещё одна молния. И странный звук. Не гром, а что-то внутри земли: глухое, вибрирующее, древнее, как сама земля. Третий разряд ударил Анне прямо под ноги. Свет залил всё

вокруг, ослепляя даже сквозь зажмуренные веки. Пространство искривилось, теряя привычные очертания. Звук изменился: шум моря стал ближе, а крики людей сменились мёртвой тишиной...

Она открыла глаза. Ни раскопа. Ни палаток. Ни брата.

Под ногами была не глина, а высокая золотистая трава, колышущаяся под невидимым ветром. Впереди — бескрайняя степь, на горизонте которой высились крепостные стены, башни и купола, словно далекий мираж, манивший путника.

Анна медленно выпрямилась. Закрыла глаза, все еще не веря тому, что увидела. Открыла. Ничего не изменилось. Вокруг по-прежнему еле слышно шелестела трава, а белые стены неведомого города не исчезли в густом мареве таманского полудня.

«Где я?..» — мысль прозвучала глухо, в ней смешались испуг и странное волнение. Ветер донёс запах дыма и чего-то пряного. Словно кто-то вытряс мешок со специями, пустив по ветру тысячи ароматов.

Анна огляделась: ни следа цивилизации. Только степь, крепость вдалеке и ощущение, что все идет как надо. Страха не было. Не было паники. Словно кто-то влепил ей дозу анестезии, заморозив эти чувства до полной нечувствительности. Она повела плечами... Рюкзак всё ещё на месте. Ощупала карманы: телефон, нож, антисептик... Всё осталось с ней.

«Это сон? Бред?» — мысли метались, не находя опоры. В груди сжалось от тревоги, но одновременно от детского восторга. Всё вокруг было другим. Не её миром. Не её временем. И в этой неизвестности таилась нечто пугающе интересное.

Резкое ржание лошади, раздавшееся где-то рядом, заставило вздрогнуть. Она слышала его за миг до того, как ударила молния. И вот опять.

— Ладно... — прошептала она, бросая вызов неизвестности. — Разберёмся.

Глава 2

Солнце палило нещадно, превращая твёрдую землю под ногами в раскалённую сковороду. Анна шла, периодически облизывая пересохшие губы, воды в фляге оставалось лишь на донышке. Но она не могла остановиться. Ржание лошадей, то затихающее, то вновь нарастающее, пульсировало в сознании, словно набатный звон.

—Что же там происходит?.. — прошептала она, вглядываясь в волнистую линию холмов.

Она продиралась через заросли колючего кустарника с мелкими жёсткими листьями, будто созданными для того, чтобы противостоять июльской жаре; через высохшие заросли лопуха, колючки цеплялись за джинсы, оставляя на ткани мелкие зацепки. Пот струился по спине, застилал глаза, но Анна упорно продвигалась вперёд, ведомая тревожным зовом.

Через полчаса за невысоким холмом она наконец увидела источник звука.

На высохшей траве, почти сливаясь с желтовато-коричневым фоном, лежал мужчина. Кожаные доспехи, стёганая подбивка, неестественно согнутая рука... А рядом гнедая кобыла, которая дёргала головой, всхрапывала и тихо ржала, будто пыталась разбудить хозяина.

Сердце Анны сжалось. Она бросилась к раненому, упала на колени рядом с ним. Песок забился в джинсы, но ей было не до этого.

—Эй! — она осторожно коснулась плеча. — Вы живы?

Мужчина приоткрыл глаза, мутные, затуманенные болью. Пробормотал несколько слов на незнакомом языке. Его кожа была горячей на ощупь, а на плече темнело влажное пятно. Анна прикоснулась к нему и с ужасом отёрнула руку, пальцы окрасились кровью.

—Мать вашу... — прошептала Анна, чувствуя, как внутри поднимается волна паники. Ладони стали ледяными, во рту пересохло. — Я помогу.

Она торопливо расстегнула рюкзак, дрожащими руками достала аптечку. Пальцы не слушались, пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться и начать соображать. В голове крутились обрывки знаний из курса первой помощи, но всё казалось таким далёким, нереальным...

«Так, что у нас есть?.. Антисептик, бинты, обезболивающее, салфетки, нож... То, что нужно...»

Осмотрев плечо, Анна поняла: в мужчину попала стрела. Она вошла под углом, пробив мышцу спереди и проткнув тело насквозь. Сзади из спины торчал наконечник, покрытый бурой засохшей кровью. Слишком низко, чтобы человек смог сам вытащить обломок. Над раной уже жужжали жирные лупоглазые мухи.

Анна достала телефон и попыталась вызвать скорую. Хотя знала, этот номер не пройдет. Сети не было. Экран погас, отразив её бледное, испуганное лицо.

Надо было справляться самой. Но как?!

Здоровая рука мужчины дёрнулась, словно он снова попытался дотянуться до торчащей из тела стрелы.

—Вытащить? — спросила она.

Он ничего не ответил, но ресницы слегка дрогнули, словно отвечая на ее вопрос.

—Хорошо... Сейчас вытащу. Придётся потерпеть, будет немного больно.

Она растянула губы в ненастоящей улыбке... Не потому что смешно или весело, а чтобы не бояться. Чтобы думать, будто она знает, что делает.

—Подумаешь, стрелу вытащить из живого человека... Я эти стрелы по сто штук каждый день из людей вытаскиваю... — усмехнулась она, прикусив губу, чтобы не заплакать. Сжала и разжала пальцы, пытаясь унять дрожь в руках. Не помогло. Руки по-прежнему мелко тряслись.

Крепко ухватив наконечник стрелы, Анна зажмурила глаза, чтобы не видеть происходящего, и плавно потянула. Мужчина глухо застонал, сжал кулак на здоровой руке, но не шевель-

нулся. Стрела вышла неожиданно легко. Кровь побежала сильнее, окрашивая красным землю под раненым.

— Так, спокойно... Что там нам говорили в школе про кровотечение? — повторяла она шепотом, пытаясь вспомнить хоть что-то.

Если кровь бежит не плотным, ровным потоком, и не пульсирующей струёй, значит, крупные сосуды не задеты.. Анна торопливо наложила стерильную салфетку прямо поверх одежды и прижала ладонью. Досчитала до ста...

Кровотечение почти перестало, и она наконец смогла перевести дух. Руки все еще дрожали, но Анна хотя бы знала, что делать дальше. Быстро вспорола грубую суконную ткань, из такой только мешки шить, а не рубахи, и промыла рану антисептиком. Мужчина снова застонал, на лбу выступили капли пота.

—Держись, пожалуйста... — прошептала Анна. — Надо забинтовать...

Кровь всё ещё сочилась. Единственного рулончика бинта не хватило, чтобы забинтовать плечо незнакомца. Он был слишком крупным. Анна в отчаянии огляделась и заметила сумку, притороченную к лошадиному седлу. Там могло быть что-то полезное.

Внутри она нашла ленты из такого же грубого сукна, как и рубаха. Вероятно, это были местные бинты.

—Вот и хорошо... — выдохнула она, обматывая плечо и накладывая полосы крест-накрест.

Наконец рана была плотно закрыта бинтами. Теперь — обезболивающее. Мужчина сопротивлялся и не разжимал губ, и Анна уговаривала его, подбирая простые слова:

—Это лекарский камень. Уберёт боль. Пожалуйста, выпей...

И у нее получилось. Мужчина схватил таблетку сухими, покрытыми корками губами. Скривился от горечи. И Анна затараторила:

—Сейчас дам воду... Пить, - пояснила она.

И внезапно он ее понял. Анна приподняла его голову... Поднесла фляжку с остатками воды. Мужчина торопливо сделал несколько глотков, допив всю воду, до капли. Через некоторое время таблетка подействовала, его дыхание стало ровнее. Он даже смог открыть глаза... Такие же блекло-синие, будто выцветшее небо над головой.

—Надо в город, - улыбнулась ему Анна, чувствуя, как медленно и противно трясется все тело. - Но я тебя не подниму... Сможешь встать и залезть на лошадь? Я помогу...

Он неопределённо качнул головой, то ли «да», то ли «нет», то ли вообще не понял, о чём она говорила. Но всё же начал вставать, заваливаясь и иногда повисая на Анне всем своим весом. Кое-как взобрался в седло и рухнул на спину лошади, совершенно обессиленный.

—Пойдём в город, — сказала Анна, беря лошадь под уздцы. — Я видела его, он недалеко.

Махнула рукой в сторону холмов, где виднелись очертания стен. Анна пошла вперёд, время от времени оглядываясь. Боялась, что раненый не удержится и рухнет. И тогда будет совсем плохо, этого огромного, тяжёлого мужчину она едва ли поднимет.

Глава 3

Город возник внезапно — за поворотом тропы, среди холмов, выросли стены. Высокие, сложенные из камня и глины, с деревянными башнями, на которых маячили стражники.

Один из них пристально смотрел на Анну. И ее сердце испуганно сжалось. А вдруг не пустят... Но стоило взгляду стражника, скользнув дальше, коснуться лошади и всадника, как в его глазах вспыхнула радость. И он заорал во всю мощь своих легких:

— Живь! Живь! Радость велика воеводѣ будеть! — стражник расплылся в беззубой улыбке.

*(*не пугаемся! Скоро Анна научится понимать старославянский говор гораздо лучше. И мы вместе с ней)*

Дальше он залопотал что-то еще. Язык как будто бы был русский, но настолько другой, что Анна почти ничего не понимала. На крик стражника набежали еще люди. Они попытались было оттеснить Анну, выхватив у нее из рук повод, но раненый вдруг судорожно вцепился в её плечо. Не открывая глаз, он коротко, хрипло выдохнул:

— Моя! — и тут же снова потерял сознание.

*(*воин заявил свои права на женщину, иначе ее могли продать в рабство)*

Он рухнул бы под копыта, если бы стражник не подхватил его.

— Несѣте платъ скорѣ! Подобаеть и положить на платъ! — снова заорал тот, распоряжаясь прибывшими воинами.

Анну оттеснили. Воины в кольчугах развернули длинное полотно грубого холста, в которое стражник со всей осторожностью, на какую был способен этот огромный человек, опустил раненого.

— Несѣте и домовъ!

Воины бережно подняли ношу. Анна растерянно смотрела им вслед, пока тяжелая рука стражника не легла ей на спину, мягко подталкивая вперед.

— А ты, дѣвице, гряди за ними!

Анна кивнула. Она немного потерялась в суете, но понимала, что должна держаться своего незнакомца. Она слишком чужая здесь, чтобы оставаться одной.

Внутри города царил хаос. Звуки наваливались со всех сторон: скрип колёс, крики торговцев, стук молотков, ржание лошадей, звон металла... То ли кузнец где-то стучит молотом об наковальню, то ли воины скрестили мечи... Или не мечи... Анна покосилась на воинов. С их широких поясов, покачиваясь при каждом шаге, свисали продетые в железные кольца боевые топоры. Анна видела такие в книгах Кирилла об истории Древней Руси.

На миг ей показалось, будто все вокруг затянущийся кошмар. И этот город исчезнет, стоит ей только проснуться. Она тяжело вздохнула... Запахи смешивались в густой, почти осязаемый коктейль: жареное мясо, пот, навоз, благовония, пряности. Это не сон. Мир вокруг слишком яркий, слишком громкий, слишком... настоящий. Она шла, широко раскрыв глаза, пытаясь впитать каждую деталь.

Узкие улочки. Грязные мазанки из глины и прутьев, лавки, заваленные товарами. Белые византийские храмы с куполами, покрытыми свинцовыми листами — их чистота контрастировала с темными хижинами, крытыми толстым слоем серого камыша, выцветшего на южном солнце.

Они миновали рынок — пёстрое, шумное пространство, где сталкивались миры. Греческие купцы в длинных плащах поверх хитонов, местные мужчины в кожаных доспехах, женщины в вышитых рубахах... Дети сновали между прилавками, смеясь и перекликаясь.

Запах рыбы, свежее выделанной кожи, и какой-то смутно знакомой, острой горечи бил в нос, смешиваясь с духотой полуденного солнца. Наконец они подошли к невысокому, сложен-

ному из камней и глины дому с темными провалами окон. Камыш на крыше был свежий, аккуратно обрезанный и замазанный сверху толстым слоем глины. Потрескавшейся от времени. Воины внесли раненного внутрь опустили на земляной пол.

Анна вошла в избу и замерла у входа, разглядывая обстановку. В углу, занимая большую часть площади дома, стояла большая глинобитная печь. Когда-то давно ее белили, но сейчас от побелки остались лишь белесые чешуйки, осыпавшиеся на пол. Рядом притулился деревянный стол, скамейки без спинок и полки с утварью. Ни кровати, ни тюфяка — только широкие деревянные лавки вдоль стен. На одну из них воины уложили раненного со всей осторожностью, на которую были способны. А потом, мельком взглянув на нее, так же быстро и бесшумно ушли, оставляя их одних.

Раненный глухо застонал, веки дрогнули и тут же обессиленно сомкнулись.

Анна замерла, глядя на бледное лицо с заострившимися чертами. В груди сжалось — вдруг она что-то сделала не так? Вдруг он не выживет?

Она встряхнулась, отгоняя панику. Осмотрела помещение в поисках воды, тряпок, чего-то, что могло пригодиться для ухода за раненым. Руки дрожали, но она заставляла себя действовать методично, расставляя дела по порядку.

Сначала найти воду. Это главное...

И самой надо напиться, и раненного напоить... И помыться бы не мешало. И его протереть. Хотя бы лицо...

Анна осторожно выглянула из хатки и внимательно осмотрела крошечный дворик. Ветер донёс запах моря, соли и дыма. А в самом дальнем углу двора, под огромной старой шелковицей, она увидела круглый, сложенный из белого камня колодец. Над которым возвышался высокий шест-журавль, с таким же светлым камнем на конце.

Тяжелое деревянное ведро нашлось там же. И через несколько минут, Анна, приподняв голову раненного, поднесла к его губам фляжку, полную свежей и холодной воды. Он пил жадно, но аккуратно, стараясь не пролить ни капли. А потом отдышавшись медленно открыл мутные от боли глаза. Устался на нее... Его губы дрогнули, как будто бы он хотел что-то сказать. А когда она склонилась, прошептал ей прямо в ухо:

- Ратибор...

И снова закрыл глаза. Анна улыбнулась. И тоже представилась коротко, одним словом:

- Анна...

Глава 4

Ратибор не приходил в себя уже третий день.

Анна сидела у лавки, на которой лежал раненый, и в полумраке дома всматривалась в его лицо. В щели прикрытой двери пробивались узкие полосы света, рисовали на полу дрожащие узоры. Где-то вдали, за стенами города, перекликались петухи, а здесь только тихое дыхание Ратибора и щебет птиц во дворе.

Его кожа была горячей, сухой, словно пергамент. Анна смачивала в миске с водой льняную тряпицу, осторожно прикладывала ко лбу... Каждый раз, когда он слегка вздрагивал, её сердце сжималось, но глаза оставались закрытыми, сознание не возвращалось. В эти мгновения время будто застывало, растягиваясь в бесконечность, а страх холодной змеей обвивал грудь: а вдруг он не очнется.

Она снова проверила повязку: кровь не проступала, но ткань пропиталась потом. Осторожно, стараясь не потревожить рану, Анна сменила полосы льна, обработала края антисептиком из аптечки.

Только бы не началось заражение. Если бы знала, с чем придется столкнуться, запаслась бы антибиотиками. Но в походной аптечке были только обезболивающее и жаропонижающее. Но и это было сокровищем.

Анна растолкла таблетку в ложке, добавила немного воды, размешала до состояния кашицы и осторожно влила в приоткрытые губы Ратибора. Он сглотнул рефлекторно, не приходя в сознание...

Три дня назад, когда ее привели сюда, в этот дом, она со страхом и надеждой ждала, что кто-то придет его навестить. И помочь... Этот воин... на воротах... он кричал, что воевода будет рад.

Хотя может быть она просто не так поняла. Ведь к Ратибору так никто и не пришел.

Анна тяжело вздохнула... Солнце уже подбиралось к зениту... Надо сходить и принести воду, иначе до вечера будет не высунуть носа под это иссушающее пекло. Анне казалось, что здесь гораздо жарче, чем в той Тамани, в которую она приехала всего три дня назад. И бесконечное количество лет вперед.

Здесь не было не то что самолетов и железных дорог... Не было даже вещей, которые человеку двадцать первого века казались вечными, как само время. Никаких чугунков, самоваров или тазов. Даже табуреток — и тех не нашлось. По крайней мере, в этом доме.

Проще сказать, что здесь было...

Возле печи стояла массивная лавка, на которой тяжело осел деревянный ушат с веревочной ручкой. Анна с трудом потянула его на себя и поняла: нечего и думать дотащить от колодца полным. Вместо него она таскала воду в глиняном горшке литра на три — два таких стояли рядом, поблескивая маслянистыми боками. Под лавкой прятался еще один сосуд, гораздо больше, его горловина была туго перевязана куском грубого холста, пахнувшего пылью и чем-то кислым.

На стене, на вбитых прямо в саман сучках, висели глубокие черпаки и ковши с рукоятками в виде птичьих голов. Рядом — старое сито плотной сеткой из конского волоса. У стены стояло тяжелое корыто, выдолбленное из цельного бревна, большая ступка и прислоненная к нему узкая доска с вырубленными ребрами. Анне она напомнила старинную доску для стирки, хотя дерево было подозрительно гладким. Тут же пряталась длинная, как дубинка, скалка.

Над лавкой висела полка. Несколько литровых горшков, полотняные мешочки, в которых хранились мелкие, круглые зернышки. Анна подозревала, что это было просо, то есть неочищенное пшено. Но могла и ошибаться. В углу — маленькая глиняная солонка с тяжелой крышкой. На её дне Анна нашла крупные серые кристаллы. Она осторожно лизнула один: вкус

был знакомый, соленый, но с каким-то чужим минеральным привкусом, отдающим лиманом и древним морем.

Тут же лежал еще один предмет, назначение которого Анна не смогла определить. Странная палочка с обрубками сучков на конце. Она решила бы, что это для растопки, но рукоять была до блеска отполирована человеческими руками.

Сбоку, возле печи притулился довольно вместительный глиняный горшок с дырками по бокам и ручками. Судя по тому, что внутри было черным-черно золой, в него клали угли. Она отставила эту непонятную жаровню в сторону. Боялась, нечаянно устроить пожар в доме. Вряд ли в этом городе есть пожарная служба.

Еще в доме был сундук. Деревянный, обитый железными полосками и запертый на большой висячий замок, ключ от которого Анна нашла в кожаном поясе, висевшем тут же на вбитом колышке. Сундук оказался почти пуст. Только на дне лежали несколько свертков ткани и два женских платья. Одно — красивое, из мягкой шерсти с вышивкой по подолу. Слишком теплое для жаркого лета. Второе — простое, серовато-белое, из грубого льна.

Его Анна позаимствовала сразу же, как нашла. Потому что почувствовала себя неловко в коротеньких шортиках и топах, которые привезла с собой в отпуск. За эти три дня она не увидела ни одной живой души, но пока шли сюда успела хорошо разглядеть местных женщин. Никто из них не ходил с голыми ногами, или в майках, обтягивающих грудь.

Джинсы и просторная рубашка, в которых она попала сюда, после спасения раненого так и не отстирались. В доме не нашлось даже мыла. И свечей тоже. Поэтому, когда быстрое южное солнце падало к закату вокруг, безраздельно царила ночная тьма. И можно было, не боясь чужих глаз, помыться прямо возле колодца.

Анна устало выдохнула. Невеселые размышления не мешали заниматься делом. Ушат полон, воды хватит до завтрашнего утра. Она наполнила горшок водой из колодца и взялась готовить обед на примитивном каменном очаге под старой шелковицей.

Глава 5

В доме, кроме проса, ничего съедобного не нашлось. Анна за эти дни изучила каждый уголок тесного двора, но земля здесь была скупой: ни сада, ни крохотного огорода — лишь стена высокого сухого бурьяна. Одинокaя шелковица у забора осыпала землю ягодами, превратившимися под палящим солнцем в черные безвкусные угольки. Воздух дрожал от зноя, и оглушительный стрекот цикад казался Анне звуком работающей пилы — таким же ровным и беспощадным.

Если бы не рюкзак и припасы из будущего, ей пришлось бы выбиратьcя в город, на рынок. Она могла бы продать серьги, крошечные серебряные гвоздики. Или цепочку с любимым кулоном-паучком, у которого был малахитовый животик. Этих украшений хватило бы, чтобы прокормить себя и Ратибора.

Но Анна понимала, какой это риск. Она была здесь чужой. Не знала ни языка, ни обычаев, ни того, как правильно склонять голову перед сильными мира сего. Один неверный жест, один слишком прямой взгляд, и её судьба решится мгновенно: плаха или рабский рынок. Она вспоминала рассказы Кирилла о жестоких нравах древней Тамани и холодела. А вдруг он не преувеличивал?

Впрочем, у нее еще будет возможность выяснить насколько правдивы были эти страшные сказки. Анна невесело улыбнулась, вскрывая пакет с сублимированным супом. Запасов хватит на несколько дней, а потом все равно придется выйти в город. Она высыпала сушеные овощи в закипевшую воду и добавила горсть гречки. Аромат крупы, такой родной и домашний, казался здесь, в бесконечно далеком прошлом, каким-то ненастоящим.

Помешав варево веткой шелковицы, она бросила пустой пакет в огонь. Пластик скорчился, испустив едкий черный дымок. Анна знала: нужно уничтожить всё, что пришло с ней из другого мира. Чтобы ни один археолог будущего, вроде Кирилла, не сошел с ума, обнаружив синтетику и пластик в слоях древнего мира. Сделать это нужно было сейчас, пока Ратибор в беспамятстве. Пока он не пришел в себя... или не умер.

Она подхватила остывающий горшок и вошла в дом. В полумраке, пропитанном запахом трав и старой пыли, что-то изменилось. Анна замерла на пороге. Ратибор больше не метался в бреду. Он лежал неподвижно, и его глаза — пронзительные, темные, вернувшие себе пугающую ясность — пристально смотрели прямо на неё.

Она замерла. Сердце гулко бухнуло от страха.

Он смотрел на нее, она на него... А потом Ратибор тяжело вздохнул и закрыл глаза, давая ей возможность прийти в себя. Она поставила горшок на стол. Повернулась к нему:

- Ратибор, ты голоден? - голос звучал хрипло. Она молчала слишком давно, и слишком сильно испугалась. - Сейчас я накормлю тебя.

Он ничего не ответил. И глаза тоже не открыл. Но впервые за все эти дни съел все... Без остатка.

- Вот и хорошо, - улыбнулась Анна, вытирая с подбородка капли бульона. - Если начал есть, значит будешь жить...

Глава 6

Утро шестого дня выдалось тихим — ни ветра, ни криков торговцев, ни стука кузнечных молотов. Над крышами стелился белёсый туман, размывая очертания дальних домов. Анна стояла у двери, вглядываясь в сероватую дымку. В доме пахло травами и прелой соломой — запах, который уже начал казаться ей родным, несмотря на всю чужеродность этого мира. Ратибор спал на лавке: дыхание стало ровнее, но лицо оставалось бледным, а тени под глазами выдавали ещё не ушедшую слабость.

Она знала: пора избавляться от лишнего.

В старом глиняном горшке, том самом с дырками на боках и следами золы, лежали вещи, которые нельзя было оставить: разбитый на осколки смартфон, фольга, батарейки, зубная щётка, пустой тюбик солнцезащитного крема. Всё — из другого мира, всё — улика.

Анна вынесла горшок во двор, поставила под шелковицу. Дерево, старое и корявое, роняло на землю сухие ягоды, похожие на капли запёкшейся крови. Бросила в горшок несколько сухих щепок. Чиркнула спичкой. Пламя разгоралось медленно, словно нехотя... лизнуло края плёнки, пластик тут же начал плавиться и скукоживаться выпуская струю черного вонючего дыма... Анна наблюдала почти равнодушно. Вчера она уже попрощалась со своим прошлым, когда старательно разбивала смартфон об камни.

Огонь разгорался. Из горшка повалил густой, маслянистый дым, чёрный, как чернила. Он взвился в небо, оставляя жирный след... и запах...

И почти сразу со всех сторон послышались испуганные крики. Шум был такой, будто кто-то бежал прочь, бросая все свои дела и спасая свою шкуру. А потом множество голосов закричало на разный лад:

- Огонь нечистый!
- Беси! В храме беси!
- Смрад преисподний!
- Ведьма!

Сердце ёкнуло. Анна нервно вздрогнула. Как же она не подумала! Чёрный дым от горящего пластика и резкий химический запах выдадут её куда быстрее... Зря она это затеяла! Надо было просто закопать в укромном месте. Но сейчас уже поздно...

Она бросилась тушить: заливала горшок водой из колоды. Пахнувшая жжёным пластиком вода, смешанная с золой, хлынула из отверстий. Дым не исчезал — расплзался, цеплялся за ветки, стелился по земле, обволакивая всё плотным, зловещим покрывалом. Обгоревшие кусочки пластика в горшке воняли, выдавая её.

Между тем крики на улице изменились. В них не было больше паники. Теперь кричавшие не боялись — они требовали отпущения, наказания тому злу, свидетелями которого стали.

- Отче! Пречестный отче!
- Изыди нечистая!

Голоса приближались — мужские басы, женский вскрик, топот множества ног.

Анна метнулась в хатку. Горшок накрыла рюкзаком, как будто надеясь, что плотная синтетика запрет запах и скроет вонь. Сунула под лавку, на которой лежал Ратибор. Сверху кинула старый войлок, пахнущий мышами и плесенью. Схватила горшок в которого варила суп и снова выбежала во двор, к очагу. Зачерпнула воду из колоды и щедро плеснула на очаг, бросив горшок рядом. Будто нечаянно уронила.

В ворота уже стучали — не вежливо, а требовательно, с нажимом. Стук отдавался в висках, словно удары молота.

Вернулась в хату. Сердце колотилось как сумасшедшее, отдаваясь в висках оглушающим гулом. Воздух внутри стал густым от напряжения и запаха гари.

Ратибор, услышав грохот, проснулся и приоткрыл глаза:

— Помози ми сести.

Голос был слабым, но в нём не было паники — только холодная настороженность. Анна помогла ему приподняться. Он сел на лавке, опираясь на её плечо. Она придвинулась ближе — не как защитница, а как человек, который сам нуждается в защите.

Ворота с грохотом распахнулись. И вся толпа ввалилась во двор.

В хату вошли трое. Впереди — священник в тёмной рясе из грубой шерсти, с узким, жёстким лицом и колючим взглядом. За ним — воин, тот самый, что встречал их у ворот: широкие плечи, шрам через бровь, рука на рукояти ножа. Третий — незнакомый, в кожаной безрукавке, с топором за поясом, взгляд цепкий, оценивающий. От них веяло холодом и властью, той, что даётся традицией и страхом.

Священник ткнул пальцем в сторону двора:

— Что за дым чёрный из сего дома на небо идёт? Смерд сей не от дров сухих, но от дел тёмных! Порей! Не дух ли нечистый в теле твоём поселился, что девица сия в очаге жжёт?

Воин шагнул вперёд, не глядя на священника:

— Не гневайся, отче. Сия девица воина нашего из мёртвых подняла. Порей жив, зрети может, се уже и сидит на лавке. Бог миловал его рукою странницы сей.

«Порей?» — Анна покосилась на Ратибора. Почему они называют его так? Она слушала напряжённо, улавливая скорее общий смысл речей, чем отдельные слова. Слишком поцерковному звучали речи — будто молитвы, сплетающиеся в узор угрозы и осуждения.

Ратибор медленно поднял руку. Голос звучал тихо, но без дрожи — холодно, расчётливо:

— Слушайте все! То не костёр дымил, то совесть моя чёрная в огне горела! Перечил я воеводе, гордыней вскипел — и грех мой дымом смердным вон пошёл. Бог простил меня и послал мне не ведьму, а ангела своего в образе девицы сей, дабы жизнь мне дати. Скоро развеется смерд, и чист я стану пред людьми и перед Богом.

Он кивнул на Анну.

Священник замер. Его палец, ещё недавно грозящий, медленно опустился. Воин переглянулся с третьим мужчиной; тот пожал плечами, но в глазах мелькнуло недоверие. В воздухе повисла тяжёлая тишина — не благоговейная, а настороженная, как перед ударом.

Наконец монах произнёс, и в голосе не было ни милости, ни успокоения:

— Аще Бог прости тебя, то и мы не можем судити. Но помни: грех не изыдет в огни. Тот в сердци пребывает. И аще паки, — перевел взгляд на Анну, заставляя ее поежиться от холодной уверенности в серых глазах, — спотыкнешися, не будет тебе прощения.

Он не договорил, но угроза повисла в воздухе, густая, как тот самый дым. Развернулся и вышел. Воин задержался на миг, бросил на Анну взгляд — не то с уважением, не то с подозрением — и последовал за ним. Третий мужчина вышел последним...

Тишина накрыла хату, словно тяжёлое одеяло. Где-то под полом скреблась мышь, а за окном догорали последние клочья чёрного дыма, растворяясь в серо-синем, полинявшем на жару, небе. Анна медленно поднялась и помогла Ратибору лечь обратно.

— Что жгла еси? — спросил он.

Анна вздрогнула. Но ответила честно:

— То, что нельзя показывать людям.

Она не боялась, если бы он хотел ей навредить, уже выдал бы.

Ратибор вздохнул.

— Не жги более. Яко на нозе стану — увезу тя далече, и сожжёмь тамо, идеже никтоже не узрить. Схорони пока вещи свои дивные, не зли людей.

В его голосе звучала не угроза, а обещание помочь и защитить.

Глава 7

Рассвет едва тронул небо, окрасив его в бледно-розовые тона, когда Анна подошла к лавке, где спал Ратибор. Он приоткрыл глаза, в них еще осталась боль, но взгляд был ясным, внимательным.

— Продукты закончились, — тихо сказала Анна. — Надо на торг.

Ратибор кивнул, оперся на локоть:

— Иду и аз с тобою.

— Ты ещё слаб, — она покачала головой, невольно скользнув взглядом по его бледному лицу. — Я справлюсь сама.

Он прищурился, изучая её лицо, словно пытаясь прочесть за сдержанной улыбкой тревогу:

— Не боишься ли?

Анна помолчала. Пальцы невольно сжали край рубахи. За окном уже слышался утренний гомон, где-то залаяла собака, заскрипела колодезная цепь.

— Боюсь, — призналась она. — Но всё равно пойду.

Ратибор медленно улыбнулся. Не насмешливо, а с тихой, почти тёплой признательностью:

— Такжежде крепость твоя... и мужество похвалы достойны.

Он лег и здоровой рукой похлопал по краю лавки:

— Здесь, под лавкою, сокровище сокрыто. Горнец тамо. Ископай его.

Анна присела, заглянула под лавку. Потрявоженная сухая земля пылила, щекотала ноздри, мешала дышать. Но она справилась: аккуратно раскопала неглубокую ямку и вытащила небольшой глиняный горшочек с плотной крышкой. Внутри звонко, по-особенному, перекачивалось серебро.

— Ими же бери резаны и куны, — Ратибор указал на серебряные монеты. — Резаны суть велики, с насекомыми по краю. Куны же малы и округлы.

Анна перебирала холодные кругляши, ощущая их вес и странный, чуть терпкий запах металла. Монеты казались живыми, будто шептали о дорогах, которые прошли, прежде чем оказались здесь, в горшочке Ратибора.

— А это что? — она подняла одну монету, крупнее остальных, с чётким оттиском.

— Ногата то, — пояснил он. — Дорога она. На торгу таковых не кажи. Люди бо завистны суть, а молва бежит быстрее ветра. Узрят у тебя ногату — и начнут гадать: откуда? Не украли ли?

Он помолчал, глядя, как она прячет деньги в узелок.

— И помяни: ряднися. Не бери первое, еже ти предложат. Цену ведай, на иных купцов зри. Если кто берет то же, что и ты, — значит, цена права, а товар добр.

— А если начнут спрашивать... про меня? — Анна сглотнула. — Про то, откуда я?

— Реки, яко из дальних земель. Глаголи: шла с караваном, да отстала, а послежде нашла мене. То истина есть, и нет в ней беды. Но не вещай лишнего. Слова — аки птицы: вылетят — не поймаешь.

Анна поднялась. Накинула на плечо прочную, холщовую сумку, которую отыскала за печкой. Ратибор, внимательно следивший за ней, вдруг махнул рукой.

— Погоди. Не девицей иди, — строго сказал он, и ткнул пальцем в кусок холста, висевший на гвоздике. Анна использовала его вместо полотенца. — На торгу людском голову покрой. Яко жена.

— Как жена? — Анна непонимающе уставилась на белое полотно.

— Возьми убрus сей сокрой власы твои, — пояснил он. — Девицу без присмотра всяк обидит. А жену чужую — поостерегутся. Носи его плотно, не кажи лица своего лишне.

Анна послушно взяла «полотенце». Она быстро обернула его вокруг головы и шеи, тщательно пряча волосы и завязала концы у подбородка.

Ратибор кивнул, оценивая её новый облик. И махнул рукой отпуская.

Улицы Тмутаракани просыпались неспешно. Из-за заборов доносилось мычание коров, стук молота по наковальне, перекличка петухов. Воздух был ещё прохладным, но уже чувствовалось, что день будет жарким.

Анна шла медленно, стараясь не привлекать внимания. В её одежде, простой льняной рубахе и покрытой головой, она почти не выделялась из толпы. И всё же каждый раз, когда кто-то смотрел на нее, внутри сжимался холодный узел тревоги. Но взгляды, едва коснувшись белого полотна её убруса, скользили дальше. Анна потихоньку успокоилась: в этом облачении она была лишь одной из многих жён, вышедших за припасами.

За городской стеной уже шумел торг. Над рядами поднимался дым от жаровен, смешиваясь с ароматами печёного хлеба, рыбы и пряных трав. Торговцы зазывали первых покупателей, перекрикивая друг друга на славянском, греческом и тюркском наречиях. Солнце поднималось выше, и тень от стен становилась всё короче.

Анна остановилась у рыбного ряда. На широких досках лежала рыба — свежая, с блестящей чешуёй, и солёная, плотно уложенная в корзины. Торговцы, широкоплечие мужчины с обветренными лицами, громко басили:

— Берёшь сейчас — цена добрая! Покупай, хозяйка, пока солнце не выпило свежесть!

Они охотно скидывали цену, лишь бы сбыть улов до полуденного зноя. Анна выбрала пару рыбин, отдала несколько кун и спрятала покупку в холщовую суму.

Дальше тянулись фруктовые ряды. Здесь торговали персиками, алычой и яблоками, но люди активно набирали корзины черешни и вишни. Ягоды лежали горками, алые и чёрные, отливая на солнце, словно капли крови. Анна тоже купила небольшую плетёнку — на вечер.

Она пошла дальше и вскоре оказалась в густой тени византийского храма. Здесь, в прохладе каменных стен, располагались молочные ряды. В земле были вырыты ямы, куда ставили глиняные горшки и деревянные кадки. Всё это накрывали влажными камышовыми матами, чтобы сохранить холод. Анна купила горшочек топлёного масла, круг свежего сыра и немного соленого курта. Убирая съестное в мешок, она чувствовала, как сума тяжелеет, а серебра в калите становится всё меньше.

Рядом располагались мясные ряды. Здесь торговали солониной и вяленым мясом — тонкими темными полосками, просушенными на степном ветру. Анна выбрала несколько кусков: завтра можно будет приготовить сытный обед, сегодня же ужин будет из свежей рыбы.

Затем она подошла к торговцу травами. На его лотке лежали пучки растений — пахучих, терпких, горьких. Пахло зверобоем, полынью и дикой мятой. Торговец, старик в длинной рубахе, нараспев рассказывал о свойствах своих «зелий»: от простуды, от боли в суставах, от злого глаза. Анна выбрала пучок мяты для чая и ароматный чабрец к мясу. Горьковатый запах трав на мгновение пробудил в ней воспоминания о доме — о кухне, где мама варила варенье, а на подоконнике всегда стояли горшочки с пряными растениями. Поправив убрus, она поспешила к хлебным рядам, где купила небольшой мешочек муки на лепёшки.

Можно было возвращаться, но Анне всё ещё нужно было мыло. После дороги и пыли она чувствовала себя невыносимо грязной, но сколько ни ходила между лотков, не видела ничего даже отдаленно похожего на привычные бруски.

В конце концов, измучившись под тяжестью сумы, которая безжалостно резала плечо, Анна остановила незнакомую женщину в богатом греческом платье.

— Мыло? Где купить мыло? — спросила она, почти умоляюще глядя на прохожую.

Та в ответ разразилась быстрой тирадой на звонком, непонятном языке. Это не был древнерусский Ратибора, это была греческая речь, текучая и быстрая. Увидев, что Анна растеряна, женщина сочувственно качнула головой. Она взяла Анну за руку и повела обратно — туда, где продавали травы и корни. Остановившись у одного из лотков, гречанка указала на связки серых подсушенных корней.

— Струтион! — громко произнесла она, а затем, заметив недоумение Анны, добавила на местном наречии: — Мыльце... Мыльце бери, хозяйка.

Анна недоверчиво коснулась сухих корешков. Это и было местное «мыло» — мыльнянка, которую нужно было размочить в воде, чтобы получить заветную пену.

— Сп... — начала Анна, но тут же опомнилась и исправилась: — Благодарствую.

Кто знает, как местные воспримут привычное ей «спасибо»... Женщина кивнула и скрылась в толпе. Анна же с сомнением разглядывала корешки. Мыльнянка — не то растение, которое способно легко отстирать застарелую кровь и въедливую степную глину.

«Придётся заняться мыловарением самой, — решительно подумала она. — Уж самое простое мыло из зольного щёлока и свиного жира я сварю. Я всё же недоучившийся химик-технолог, основы омыления жиров помню».

Нужно было только вернуться на мясные ряды и купить нутряного сала.

Через полчаса Анна спешила обратно, прижимая к себе тяжёлую, раздувшуюся суму. Припасы безжалостно оттягивали плечо — рыба, корзинка ягод, круг сыра, горшок масла, вяленое мясо, овощи, травы, мука и увесистый ком белого жира... Она еле-еле донесла всё до дома, останавливаясь через каждые сто шагов, чтобы переложить ношу и перевести дух под редкой тенью беленых стен.

Ветер поднимал соленую пыль, трепал подол её платья. Страшно хотелось пить. До полудня было ещё далеко, а жара уже стояла такая, что казалось, будто кожа шипит, испаряя влагу под безжалостным южным солнцем.

Анна переступила порог избы, тяжело опираясь на косяк. Сума со стуком опустилась на пол. В помещении было темно и блаженно прохладно — солнечные лучи едва пробивались сквозь узкие оконца-щели.

Ратибор сидел на лавке, опираясь на локоть. При виде Анны он заметно расслабил плечи и выдохнул с облегчением:

— Пришла... Не бысть ли пакости на торгу?

— Всё хорошо, — она перенесла суму на стол и принялась раскладывать покупки. Движения были медленными, плечи ныли от врезавшихся лямок. — Просто непривычно... Столько людей. И всё совсем не так, как... у нас.

Ратибор молча наблюдал, как на потемневших досках появляются рыбины с ещё влажной чешуёй, плетёнка с ягодами, горшочек масла, круг сыра и мешочек муки. Воздух наполнился густыми, живыми запахами — молочной свежестью, терпкостью трав и рыбной сыростью.

— Вижу, не пустая вернулася, — наконец произнёс он. — Да токмо лицо твое... будто через три степи бежала без воды.

Анна слабо улыбнулась, провела ладонью по лбу, смахивая капли пота и чувствуя на коже налет дорожной пыли:

— Хотела мыло найти. Не нашла. Мне показали какие-то корешки мыльнянки — «струтион», говорят. Но это не мыло. Придётся самой варить, из зольного щёлока и свиного жира. Благо, сала я купила.

Ратибор приподнял бровь, и в его взгляде мелькнуло недоверие напололам с интересом:

— Ты и такое кудесство ведаешь? Жир в мыло претворити?

— Думаю да, — она вздохнула, развязывая узел на убрусе и наконец освобождая голову от душевного льна. — Училась... Не доучилась, но кое-что помню.

Она замолчала, разглядывая разложенные припасы. В этот момент всё казалось одновременно и пугающе реальным, и чужим: грубые глиняные горшки, запах дыма, тяжесть серебряных кун в калите и этот раненый воин, говорящий на языке предков.

Глава 8

Рассвет ещё только нащупывал края неба, когда Анна тихо поднялась с лавки. Ратибор спал, дыша ровно и глубоко, — впервые за много дней лицо его не искажала гримаса боли. Анна на мгновение задержала взгляд на его бледных ресницах, потом бесшумно вышла из избы.

У колодца, под старой шелковицей, стояли приготовленные с вечера сосуды: глиняный горшок с просеянной золой из очага, корчага с водой, которую нужно вскипятить на очаге, жаровня с кусками сырого нутряного жира — липкого, белесого, пахнущего парным мясом. Анна потрогала пальцами золу — серую, невесомую, сохранившую в себе память о сгоревшем хворосте и дубовых поленьях.

— Ну что ж, — прошептала она, — пора.

Она осторожно залила золу крутым кипятком. Воздух тут же наполнился едким, щелочным паром, от которого запершило в горле. Деревянная палочка заскользила по стенкам горшка, размешивая густую серую кашицу, пробуждая спящие в золе силы.

— Щёлок... — прошептала, словно заклинание. — Дар огня и дерева. Содержит карбонаты калия и натрия... Жаль, что в древесной золе много первого и совсем мало второго...

Горшок она поставила поближе к углям, чтобы вода не остывала слишком быстро — так сила из золы выйдет вернее. Теперь — ждать. Сутки, а то и двое. Время здесь текло иначе, чем в её прежней жизни, где всё измерялось секундами и часами. Здесь нужно было учиться терпению.

Пока зола отдавала воде свою суть, Анна занялась жиром. Она разложила нутряные обрезки в жаровню и поставила на край очага. Огонь развела слабый, чуть заметный, похожий на легкий румянец на углях. Для мыла этот «бросовый» жир, который не шел в еду, подходил идеально.

Она наблюдала, как белые комья медленно плавятся, источая тяжелый, животный дух. В воздухе поплыл запах — не противный, а теплый, густой, домашний.

Когда жир полностью вытопился, Анна сняла жаровню с огня. Теперь важно было дать ему отстояться. Через час на поверхности образовался чистый, прозрачный слой — как застывшее масло. Она аккуратно слила его в отдельный горшок, оставив на дне мутные шкварки.

— Вот и жир, — пробормотала Анна, проводя пальцем по гладкому краю горшка. — Половина дела. Теперь всё решит щёлок.

На следующее утро Анна вновь вернулась к горшку с зольной водой. Зола осела на дно плотным серым слоем, а сверху плавала прозрачная, чуть маслянистая на вид жидкость. Анна осторожно опустила в неё палец и тут же отдернула: кожу мгновенно стянуло, появилось неприятное, зудящее жжение.

— Злой получился, — прошептала она, вытирая руку о подол. — Сильный.

Она процедила жидкость через плотную льняную ткань в широкий глиняный таз. Теперь это был чистый щёлок, но для настоящего дела он был ещё слишком слаб. Анна поставила таз на край очага. Пары поднимались густые, тяжелые, оставляя в горле терпкий, древесный привкус. Она старалась не наклоняться низко — едкий дух обжигал слизистую носа, а глаза начинали слезиться. Одно неловкое движение, одна капля, попавшая в глаз, — и в этом веке она останется калекой.

Анна помешивала жидкость длинной деревянной лопаткой, следя, чтобы та не закипела ключом, а лишь лениво пускала пузыри.

— Как бульон... — усмехнулась она, прикрывая лицо краем платка.

Через несколько часов щёлок в глиняном тазу загустел, превратившись в темный, тяжелый сироп. В этой бурой жиже таилась пугающая мощь — способность растворять грязь и плоть одинаково безжалостно.

Анна смешала равные части горячего сиропа и вытопленного жира. Глина хорошо держала ровный жар, и смесь начала медленно меняться. Теперь началась самая долгая часть. Она помешивала, помешивала, помешивала, стараясь, чтобы ни одна капля не попала на обнаженную кожу рук.

Время тянулось, как густая масса в горшке. Руки ныли от монотонного движения, плечи налились свинцом. Анна время от времени касалась смеси кончиком языка — замирая от страха и действуя предельно осторожно. Первый раз щёлок отозвался резким, колючим ожогом — она тут же добавила в горшок еще добрую порцию жира. Второй раз — язык лишь слегка пощипывало. Третий — вкус стал ровным, почти нейтральным, с тяжелым ароматом топленого сала.

Мыло начало густеть на глазах, превращаясь в пастообразную, студенистую массу. Оно стало похоже на темную мазь, на застывающий лесной мёд, впитавший в себя копоть очага и силу огня.

Анна разделила массу на две части. В одну не добавила ничего — это будет «чёрное» мыло для стирки и уборки. Во вторую всыпала растертые сушёные травы — мяту и чабрец, купленные на торжище. Травы пахли полем, зноем и ушедшим летом, перебивая тяжелый дух топленого жира.

Два глиняных горшка замерли на лавке. Один — суровый, тёмный; второй — расцвеченный зелёными вкраплениями. Анна выждала сутки, давая время для превращения.

Утром она осторожно коснулась поверхности. Мыло было прохладным и упругим. От нажатия оставалась ямка, которая медленно, нехотя сглаживалась. Анна зачерпнула малую толику, растёрла в ладонях с водой — и по рукам поползла густая, плотная пена. Запах был странным: горький пепел, жир и резкая свежесть трав. Но в этом запахе не было прежней вони немытого тела — только чистота.

Она налила в таз воды, развела мыльную основу. Пена встала шапкой, лёгкой и обильной. Анна окунула руки, и кожа отозвалась благодарно: щёлок больше не кусал, не сушил, лишь бережно смывал копоть. Она решила и замочила в тазу свои джинсы — плотную, чужую этому миру ткань. Грязь, въевшаяся в волокна, начала отступать, окрашивая воду в серый цвет.

— Получилось, — выдохнула она.

Ратибор всё это время зорко следил за ней с лавки. В его глазах не было страха перед «ведьмовством», лишь острое, но спокойное любопытство. Только на третий день, когда все было готово и дух трав окончательно заполнил избу, он с трудом поднялся. Придерживаясь за неровные стены, морщась от боли, он доковылял до лавки.

— Свершила ли задуманное? — голос его прозвучал глухо, с хрипотцой.

Анна кивнула. Ратибор ткнул пальцем в горшок, потёр липкую массу между подушечками.

— Дивно... — пробормотал он. — Византийцы в портах иное продают. То крепкое, аки камень, и белое, будто кость. А твоё — мягко, ровно мазь лечебная.

— Это калийное мыло, — ответила она, привычно сбиваясь на непонятные ему слова. — На золе древесной. Твёрдым ему не стать, но моет оно чисто. Это вот — для рубаш и штанов, а то — для тела, с пахучей травой.

Она на миг задумалась. Тамань — город морской, солончаковый. Натриевую золу здесь добыть можно, если знать, что жечь.

— Когда ты на ноги встанешь да к морю меня отведёшь, как обещал, поищем мы иную траву. Если повезет, сварю я тебе мыло не хуже греческого. Твёрдое, как камень.

— Истину ли глаголешь? — в глазах воина на мгновение вспыхнуло ярое пламя. Твёрдое мыло ценилось на вес серебра, и владение таким секретом в пограничном княжестве стоило дорого.

— Не знаю, — честно качнула головой Анна, — но попытаюсь.

Ратибор замолчал. Огонь в его глазах не угас, но лицо вновь стало спокойным и закрытым, как у воина перед боем. Он сел на лавку, вдыхая незнакомый аромат избы.

За окном догорал закат, окрашивая керченские воды в багрянец. В воздухе пахло чабрецом, пеплом и новой, небывалой для этих мест чистотой.

Глава 9

Следующее утро началось ещё до рассвета. Анна лежала на деревянной лавке, накрывшись платком — скорее по привычке, чем для тепла. За десять дней в новом мире она привыкла спать одетой и вставать очень рано.

Утро — от первых лучей до того момента, когда солнце начнёт безжалостно сжигать степь — длилось всего несколько часов. За это время нужно было успеть многое: приготовить еду, принести воды, прибраться... А доспать можно днём, когда на улице стоит жестокое пекло, а в доме царит благодатная прохлада — особенно если хорошо вымести пол и смочить его водой.

Анна приподнялась, оперлась на локоть. В полумраке мазанки очертания знакомых предметов казались чуть чужими, словно она видела их впервые. Взгляд скользнул по рассохшемуся глиняному полу. Когда-то его покрывали тонким слоем мокрой глины, но без ухода покрытие потрескалось, превратилось в сухую, пыльную корку.

Каждое утро Анна подметала полы, но пыли меньше не становилось. Потому она взяла за правило смачивать их водой — щедро, до того, что на подошве обуви оставалась тонкая корочка грязи. Зато влажный пол дарил прохладу в самый жаркий полдень.

Поначалу резкий запах мокрой пыли, похожий на аромат после дождя, раздражал, казался чужим. Но постепенно Анна смирилась. Но порой мысли невольно возвращались к тому, что быт нужно менять. Может, постелить сверху циновки из камыша? Она видела такие на торжище. Хотя вряд ли они спасут от этой вечной серой взвеси... Или положить доски? Но она знала: дерево здесь — ценность, его везут издалека.

В изобилии здесь была только глина. Анна уже заметила обвал раскопа позади избы. В голове зрел план: выкроить время, замесить раствор и заново перекрыть этот крошащийся панцирь под ногами. Пожалуй, это был единственный доступный ей способ сделать их жилье хоть немного похожим на человеческое.

Но сначала — побелить печку и стены. Для этого нужно купить гашёную известь на торгу. Анна помнила, где её видела: известь лежала в бочках, прикрытая слоем воды.

Мысли перескочили на другое: сегодня они с Ратибором доедят последние запасы. Снова надо идти на торг, снова придётся доставать монеты из горшочка, зарытого под лавкой. Надолго ли хватит того, что есть у Ратибора? И как он зарабатывал раньше? И как зарабатывать ей?

Анна вздохнула. Мысли толкались в голове, отгоняя сон. Она уже хотела встать, как вдруг уловила шорох. Повернула голову: Ратибор сидел на своей лавке, тяжело дыша и держась здоровой рукой за стену. Его лицо в предрассветных сумерках казалось восковой маской.

— Не вставай так быстро, — сказала она тихо. — Ты потерял много крови. Если будешь резко подниматься, упадёшь снова.

— Боли не чувствую... Увращевала ты меня, — Ратибор поднял на неё тяжелый взгляд.

— Не болит, потому что я дала тебе лечебный камень, — кивнула Анна.

— Дивен камень твой... Сила в руку воротилась, кажись, — он слабо шевельнул пальцами.

Она улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка вышла лёгкой, не тревожной.

— Если хочешь встать, я помогу. Но всё же тебе лучше лежать. Я зашила рану, камень убрал боль, но, чтобы плоть срослась, нужно время...

— Не след воину лежать, когда тень яблони порог переползла, — произнёс Ратибор твёрдо.

— Не след, — не стала спорить Анна. — Но скажи мне: много ты видел воинов, которые через десять дней могли встать после такой раны, как у тебя?

Ратибор на мгновение замер, мотнул головой. Нет, такого он не видел. Обычно после такого рука «сохла» или приходила горячка, забирающая жизнь. Он сам уже готовился умирать в степи.

— Я должен тренироваться... Я не могу лежать... — хмуро, но упрямо повторил он.

— Хорошо, — согласилась Анна. — Но давай ты начнёшь с самого простого.

Ратибор нахмурился. Он сидел на лавке и о чём-то размышлял, пока Анна, поднявшись, носила воду и разводила огонь в очаге. Ей нужно было заварить травы и испечь лепёшки.

Когда она принесла ему завтрак, он всё ещё сидел на лавке, напоминая огромного раненого зверя, который чувствует свою немощь, но никак не может поверить в неё.

— Ладно, — он опустил взгляд в пол. — На коня не сяду...

Анна не сдержала короткого смеха:

— На какого коня, Ратибор?! Тебе и вставать не надо. Еще хотя бы несколько дней... Дай организму восстановиться. Ты потерял слишком много крови. Если встанешь сейчас и упадёшь, только зря повредишь руку. И тогда я не смогу тебе помочь. Мои запасы лечебных камней иссякли.

Ратибор промолчал, но в глазах его мелькнуло что-то похожее на согласие. Анна поставила перед ним миску с тёплой кашей и кружку травяного настоя. Запах мяты и душицы наполнил избу, смягчая утреннюю напряжённость.

Пока Ратибор ел, Анна принялась за уборку. Она методично подметала пол, затем щедро кропила его водой из ковша. Влажные брызги оседали на стенах, оставляя тёмные пятна, а воздух наполнялся тем самым свежим, землистым ароматом.

Анна выпрямилась, вытерла руки о подол и посмотрела на Ратибора. Он доедал кашу, и в его движениях уже чувствовалась прежняя уверенность — пусть ещё слабая, но ощутимая. Регенерация шла быстрее, чем она ожидала, словно этот мир сам подпитывал своих воинов.

— Завтра я схожу на торг, — сказала Анна. — Куплю известь, крупы, может, ещё что-нибудь полезное. А ты пока... просто отдохни. А для тренировки можешь лечь и сидеть на лавке. Только осторожно, постарайся не повредить плечо снова.

Ратибор хотел было возразить, по привычке качнулся вперед, но вовремя поймал её взгляд.

— Буди по-твоему, — пробормотал он и отвернулся к стене. — Как скажешь...

Глава 10

Мысли о торге заставляли Анну тревожиться. А что, если мыло такая редкость, попробовать продать его? Цену легко определить: дороже мыльнянки, но гораздо дешевле твёрдого византийского мыла, о котором говорил Ратибор.

А потом можно ещё сварить. Внутренний жир — дешёвый, а золы из очага уже скопилось достаточно. Это могло бы помочь ей заработать и не чувствовать себя неловко, пользуясь гостеприимством Ратибора.

Но оставался вопрос упаковки. В горшок жалко, горшок денег стоит. Да и горшки нужно сначала купить... У Ратибора их мало, а те, что есть, слишком большие. Она задумчиво теребила льняной холст — убрус, когда Ратибор, наблюдавший за ней, спросил:

— О чём кручинишься? Может, я помочь могу?

— Может, и можешь, — кивнула Анна. — Мыло хочу завтра на торжище отнести. Только не знаю, во что положить. Думала в горшки, но жалко их вместе с мылом отдавать.

Ратибор на миг задумался, потом предложил:

— Рядом с конюшней горшки битые лежат. Может, подойдут черепки-то. Либо в большие листья заверни... Лопух или виноград. Они там же и растут.

— Листья порваться могут, — покачала головой Анна. — А черепки... не красиво. Кто мыло в черепках купит?

— Купить-то, может, и не купят, — пожал плечами Ратибор. — А на обмен в самый раз. На обмен? А почему бы и нет? Можно попробовать не продавать, а обменивать.

Она вышла во двор к конюшне. В траве валялись осколки: донца старых кувшинов, широкие боковины корчаг. Анна выбрала несколько самых крупных, тщательно выскребла их ножом, округлив сколы, и ополоснула водой.

Мыло к тому времени загустело, став податливым, как холодный воск. Анна смочила ладони водой и принялась скатывать ровные, плотные шары — размером с доброе яблоко, чтобы в руке лежал увесисто.

— Гляди-ка, — она выложила три шара на чистые черепки и показала Ратибору.

Шары поблескивали жирными боками. На розовой поверхности старой керамики они больше не казались грязью, выглядели как диковинный товар, редкое снадобье.

— Дивно, — Ратибор приподнялся на локте. — Будто камни морские, только пахнут степью. Что за траву ты туда всыпала?

— Полынь и чабрец, — ответила Анна, укладывая черепки в плетёную корзину, — Чтобы не только грязь смывало, но и дух радовало.

Она накрыла корзину чистой холстиной.

Утром поднялась с рассветом, накрутила на голову убрус, притворяясь женой... Чьей? Об этом она боялась думать. Хотя Ратибор ей нравился, но скорее как друг. Но что будет, когда он выздоровеет?

— Лежи, — улыбнулась она ему, — Если кто придёт, не вставай.

— Кто ж придёт... — усмехнулся он, но взгляд смягчился. — Ступай. Берегись на торге — люди тут разные. И не отдавай мыло за бесценник. Вижу я, хорошая вещь, в нём сила сокрыта.

Анна кивнула, подхватила корзину и вышла на ослепительный утренний свет.

Торжище Тмутаракани встретило её многоголосым гулом, запахом жареной рыбы, навоза и солёного моря. Здесь, на стыке миров, смешалось всё: византийские шелка соседствовали с грубыми касожскими шкурами, а славянская речь переплеталась с гортанным тюркским говором.

Анна долго шла между рядами, присматриваясь. Ей нужно было место поспокойнее, но рядом с теми, кто ценит чистоту. Она остановилась у рядов с тканями, здесь пахло льном

и крашеной шерстью. Богатые горожанки и челядинки знатных домов придирчиво щупали товар.

Найдя свободный край прилавка, Анна постелила рогожу и выставила свои «черепки» с мылом.

— Что за диво продаёшь, девица? — спросила грузная женщина в расшитом повое, остановившись рядом. — Камни какие?

— Не камни, — Анна улыбнулась. — Смерть для любой грязи. Мыло на степных травах.

Анна плеснула на мыло воду из крынки... Нарочно с собой принесла. Пена взбилась быстро — густая, белая, пахнувшая горькой полынью.

— Ой ли! — женщина всплеснула руками. — А грязь-то отходит?

— Сама смотри, — улыбнулась Анна и показала свои ладони, — какие чистые...

Ее руки по сравнению с руками местных женщин выглядели особенно нежными и холеными... Даже без крема, лишь благодаря старому маникюру, они казались чудом — ни единой заусеницы, ни темных пятен от работы в поле. Хорошо, что ногти гель-лаком покрывать не стала. Испугалась южной жары.

— Дай-ка понюхать! — женщина тут же вцепилась в черепок...

К прилавку потянулись первые любопытные.

— Почему просишь за шар? — прищурилась женщина, не выпуская мыло из рук. На поясе у неё позвякивала связка железных ключей — явно ключница в богатом доме.

Анна быстро прикинула.

— За один шар, — указала Анна на самый крупный кусок мыла, — возьму меру проса очищенного да горшок извести гашёной. Стены в избе побелить хочу.

Женщина поперхнулась:

— Недешево!

— Так и мыло моё не в овраге найдено, — спокойно ответила Анна. — Видишь, как пенится? Посчитай, сколько рук твои девки не собьют, пока бельё тереть будут. Время — оно подороже извести будет. А запах? Почуй, как полынью веет... И дешевле, чем у византийцев.

Ключница ещё раз понюхала мыло.

— Ладно, девица, — буркнула она. — Просо дам. И известь пришлю с холопом — у нас как раз забор белить закончили, полкадки осталось. Только смотри, если обманула и пена завтра не поднимается — найду и ославлю на всё лукоморье!

— Не обману, — кивнула Анна.

Когда первая сделка совершилась, Анна почувствовала прилив бодрости. Оставшиеся два шара она обменяла на свежую рыбу, головку сыра, большой каравай и увесистый, с добрую голову, горшок нутряного жира.

Опять нагрузилась так, что с трудом добралась до дома.

У порога, прислонившись к саманной стене, ее ждал бледный от усталости Ратибор:

— Ну? — спросил он.

— Ты что все время здесь простоял? — улыбнулась Анна. — Все купила... Вернее, обменяла на мыло. Завтра еще варить надо.

Он кивнул:

— Добро... Хорошее дело, доходное...

Глава 11

Ключница не обманула: к вечеру холоп приволок и большой горшок извести, и меру проса. Передал, что мыло хозяйке понравилось, и она хочет ещё.

Следующие несколько дней прошли в постоянных хлопотах. Анна сварила ещё одну партию мыла, и оставила его дозревать в прохладной тени под кухонной лавкой. Развела известь и побелила и печь, и стены избы с обеих сторон. От этого внутри сразу стало светлее, и даже запах изменился: стало пахнуть чистотой и свежестью. Осталось только залить полы жидкой глиной, и пыли станет меньше.

На следующее утро Анна полезла в раскоп за глиной. Деревянное ведро было слишком тяжёлым, поэтому она оставила его у края раскопа, а с собой взяла большой черепок от большой корчаги, который она нашла в куче битых горшков возле конюшни и который хотела использовать вместо лопаты.

Глина в раскопе была кирпично-красного цвета. Спрессованная под собственным весом, она превратилась в монолитный камень, высохший на жарком солнце. Скрести черепком оказалось бессмысленно, он треснул почти сразу и развалился на несколько неровных кусков, так и не соскоблив ни горсти глиняной крошки.

Но внизу, на дне раскопа, Анна нашла странную толстую палку. С одной стороны она была заострённой, а другой конец выглядел так, словно по нему колотили колотушкой, короткой толстой деревяшкой, которая лежала рядом. Анна сообразила: те, кто был здесь до неё, добывали глину с помощью этих инструментов.

Она воткнула палку в узкую щель-трещину между пластами глины и навалилась всем телом, заставляя кол войти достаточно глубоко, чтобы не выпасть. Потом изо всех сил принялась бить колотушкой по размочаленному концу. Дыхание сбилось мгновенно, пот застилал глаза, но она не останавливалась. Через несколько минут, когда палка вошла достаточно глубоко, Анна повисла на ней всем весом, раскачиваясь и заставляя пласт глины отделяться от стенки раскопа. Кусок получился довольно большой — с голову.

Анна, кряхтя от натуги, подняла его наверх и положила на край раскопа рядом с ведром. Теперь-то она понимала: при добыче глины ведро ей без надобности. Один такой камень займет все ведро...

Потом долго лежала на сухой траве, восстанавливая дыхание.

Второй кусок получилось отломить будто бы быстрее и легче, чем первый. Возможно, Анна просто стала увереннее бить по колышку, вгоняя его в трещину. А может, в этот раз она не стала загонять его слишком глубоко, и отломившийся кусок оказался в два раза меньше.

Лежа на земле, Анна смотрела на поднимавшееся к зениту солнце. Она думала, что справится с работой очень быстро. Нагребет ведро, поставит глину замачиваться, и завтра утром всё будет готово... Но добыть глину оказалось гораздо тяжелее, чем она себе представляла.

Чтобы залить пол, нужно ещё раз пять-семь спуститься вниз за кусками глины. А солнце уже пекло, делая заманчивым решение отложить всё на завтра. Слишком тяжело... Захотелось отложить на завтра.

— Ну уж нет, — прошептала Анна, глядя на испепеляющее солнце. — Я не сдамся. Если решила, что добуду глину именно сегодня, то я добуду её именно сегодня!

Она снова спустилась в раскоп. Пот катился по лицу и по спине, неприятно щекоча тело, руки дрожали от напряжения, но Анна упорно загоняла кол в трещины, била по нему колотушкой, раскачивала отделившиеся пласты. Каждый новый кусок давался всё труднее, но она не позволяла себе остановиться.

Горка глиняных камней на краю раскопа становилась всё больше. Теперь глины точно должно было хватить на весь пол. И Анна в последний раз спустилась в раскоп и взялась за колотушку...

Когда последний кусок глины с тихим шорохом отделился от монолита, она выдохнула и привалилась к стене раскопа, тяжело дыша и улыбаясь пересохшими губами. И только тогда заметила странность: тихий шорох не прекращался, а на дно раскопа к её ногам медленно сползал чистый, почти белый песок. Она зачерпнула горсть: песок был мелкий, однородный, без примесей.

— Кварцевый, — мелькнуло в голове.

Под ногой хрустнул черепок от корчаги. И в тот же миг в памяти всплыл эпизод из прошлой жизни: Кирилл вернулся из первых в своей жизни раскопок на Тамани. Он увлечённо рассказывал, как раньше из песка, извести и битых кирпичей, растёртых в порошок, делали цемянку — что-то вроде древнего бетона.

— Прочная штука, — говорил он. — До сих пор находят постройки, где она держит конструкцию лучше, чем современный цемент.

Анна смотрела на горсть песка в руке. В голове одна за другой возникали мысли. И прошептала:

— Известь у меня есть, песок тоже... Кирпичей нет, но есть целая куча глиняных черепков рядом с конюшней... А если попробовать? Если смешать песок, известь и размолотые черепки, получится ли что-то похожее на цемянку?

Она представила, как можно укрепить пол, сделать его более прочным, устойчивым к влаге. Тогда ей не придётся каждый раз обновлять покрытие. Сделала — и всё... И никакой грязи...

Полуденное солнце жарило без всякой жалости, когда Анна выбралась из раскопа. На краю была не только куча глины, но и целое ведро песка, которое она наполнила, поднимая песок ещё одним черепком от старого горшка. Усталость отступила, теперь её гнала вперёд новая идея.

— Завтра попробую все смешать, — подумала она, глядя на ослепительно белый горизонт. — А пока надо растолочь черепки.

Глава 12

Это оказалось очень непростым делом. Удивительно, но стоило только пожелать измельчить хрупкие черепки, как они внезапно обрели каменную твёрдость. В руках они казались податливыми, почти ломкими, но под ударом сразу превращались в крепкие, твердые камешки — ни скола, ни трещины.

Анна пытала от натуги, долбила черепки большим деревянным пестиком, который нашла у печи, — но ничего не получалось. Кусочки обожжённой глины просто впивались в древесные волокна и даже не думали превращаться в песок. Пестик скользил по поверхности, оставляя в ступке лишь мелкие царапины. Пот катился по вискам, ладони горели от напряжения, а в воздухе поднялся тяжелый удушливый запах гари, прогорклого жира и земли. Так пахли старые горшки, годами стоявшие в огне.

— Что ты делаешь? — раздался голос Ратибора.

Анна в изнеможении рухнула на лавку, бросив пестик и пытаясь выровнять дыхание. Грудь ходила ходуном, в горле першило от пыли, поднявшейся над разбросанными черепками.

— Хочу превратить черепки в песок, — выдохнула Анна, проводя рукой по взмокшему лбу. И закашляла. — Но они будто заколдованные.

Ратибор на миг задумался, потом произнёс:

— Деревом только кашу толочь. Глина огонь прошла и теперь как камень. Пест зазря изведешь, а толку не дождешься. Возьми камни.

Анна помотала головой. Эта очевидная идея тоже пришла ей в голову первой.

— Я пробовала. Ещё хуже: осколки разлетаются в разные стороны. Того гляди глаз выбьешь.

Ратибор нахмурился, поскреб бороду и кивнул на дверь:

— А ты в ветошь заверни. На конюшне узел со старым тряпьем лежит, коней обтирать. Возьми там дерюгу поплотнее.

— Но она же испортится, — Анна запнулась, вспомнив, как долго в этом времени прядут и ткут каждую нить. — Жалко... Дорого ведь.

Ратибор коротко хохотнул, в глазах мелькнула тень усмешки:

— Эка ценность — подтирка конюшенная! Ей и так дорога одна — в печь, когда совсем истлеет. Бери, не жалко.

Дело пошло иначе. Анна принесла с конюшни кусок грубого, заскорузлого холста — тяжелого, пахнувшего дегтем и конским потом. Она расстелила его на плоской каменной плите у порога, насыпала в середину горсть обломков и связала концы тугим узлом. Теперь, когда она была сверху тяжелым гольшом, осколки не разлетались, а глухо хрустели внутри мешка, постепенно превращаясь в ту самую драгоценную розовую крошку.

Сначала ничего не выходило — черепки лишь слегка крошились по краям, а холст скрипел и трещал под ударами. Но постепенно, меняя угол удара и подбирая ритм, она начала замечать первые результаты: внутри холстины зашуршал мелкий порошок. Звук был едва уловимый, но такой долгожданный — будто песок перекатывался в песочных часах, отсчитывая минуты её упорства.

К ночи Анна измельчила почти полведра крошки. Черепки сдались, но лишь наполовину: вместо песка в мешке лежала мелкая острая щебенка. Для цемьянки она не годилась — пол выйдет бугристым, как старая мостовая. Анна устала так, что пальцы дрожали, не в силах удержать даже кружку с водой.

На утро Ратибор, глядя на её стертые в кровь ладони, глухо промолвил:

— Крошку твою только камнем дотереть можно. Жернова нужны. Добрые-то в корову ценой будут, нам не потянуть, а вот сработанные, что у каменотесов на торгу в углу валяются,

— в самый раз. Ежели позволишь с тобой на торг сходить, принесу... Сама ты их и не подни-
маешь.

Анна замерла. Она ясно видела: Ратибор не просто хочет помочь с жерновами. Он жаж-
дет почувствовать себя снова сильным, способным нести груз, шагать по пыльным улицам тор-
жища, быть полезным. В его глазах светилась не только забота о её затее, но и тихая, упрямая
надежда — вернуться к движению, к тренировкам и статусу воина.

И ей стало не по себе. Она помнила, как он несколько дней провёл в беспамятстве, как
бледнел, когда садился на лавке, как тяжело дышал, когда попытался встать в тот день, когда
она его остановила. Захотелось отказаться от помощи. Велеть Ратибору лежать, не двигаться,
не рисковать.

Но с другой стороны... С момента ранения прошло уже больше двух недель. Он больше
не выглядел смертельно больным. Рана почти не кровила, краснота спала совершенно, и плечо
выглядело почти здоровым. И хотя рука почти не слушалась, Анна понимала: ему всё равно
нужно вставать. И ходить.

А ещё перед внутренним взором вставал образ: ровный, гладкий пол, не впитывающий
влагу, не пылящий. Пол, который не придётся заливать глиной несколько раз в год. Пол, кото-
рый можно мыть.

— Ты уверен, что сможешь? — осторожно спросила она, вглядываясь в его лицо.

— Коли буду лежать, так и вовсе не встану, — отрезал он. — Пойдем помалу, с пере-
дышками. Без жерновов ты только руки измочалишь.

В его словах была правда. И ещё — вызов. Не ей, а самому себе.

Анна вздохнула.

— Хорошо. Завтра идем. Но если у торгошца побледнеешь — сразу воротимся. Спорить
не стану, просто за руку возьму и домой приведу. Согласен?

Ратибор улыбнулся — едва заметно, но в этой улыбке читалась не только готовность
помочь, но и радость от того, что он может вернуться к прежней жизни.

— Значит, завтра идём на торг.

Глава 13

Утро выдалось ясным, но не жарким — редкий подарок в эту пору. Воздух был напоён тонким ароматом цветущих трав и свежей росы, а небо — прозрачное, с лёгкой голубизной у горизонта. Анна уже привычно накрутила убрус, подпоясалась и осторожно выглянула во двор. Тени от плетня и яблони лежали длинные, ещё утренние — время будто замедлило свой бег.

Ратибор уже ждал у ворот: стоял, опираясь на крепкий посох, и всматривался вперёд, будто проверял собственные силы. В его осанке читалась напряжённая собранность — как перед боем.

— Готов? — тихо спросила она, подходя ближе.

Он обернулся, кивнул — коротко, без лишних слов. Но Анна заметила, как он сжал пальцы на посохе, как чуть дрогнули плечи, когда сделал первый шаг. Под рубахой проступали очертания перевязи — рана ещё давала о себе знать.

— Помни: как только почувствуешь тяжесть — сразу говорим и возвращаемся, — напонила она, беря его под локоть. Её ладонь легла мягко, но твёрдо — не как опека, а как опора.

Ратибор усмехнулся:

— Ты меня будто ребёнка ведёшь.

— А ты и есть ребёнок, — парировала Анна, стараясь скрыть тревогу за шуткой. — Только большой и упрямый.

Путь до торжища занял вдвое больше времени, чем обычно. Они шли медленно, с остановками. На первой же передышке Анна заметила, как он украдкой вытер пот со лба и глубоко вдохнул, будто прогоняя дурноту. Солнце уже припекало, и на висках Ратибора блестели капли. Но ни слова жалобы — только взгляд, твёрдый и решительный, словно он держал внутри невидимый щит.

Торжище шумело, как улей: крики торговцев перекрывали стук молотков, запах горячего хлеба смешивался с острым духом свежей рыбы и пряной зелени. Над рядами вились мухи, а в воздухе дрожали тонкие нити паутины, пойманные солнечным светом. Анна невольно замедлила шаг, привыкая к этой какофонии звуков и запахов. Ратибор же, напротив, выпрямился, будто втягивая в себя жизнь базарной площади. Его глаза скользили по лицам, по товарам, по движению толпы — он словно проверял, принадлежит ли ему это пространство.

Но почти сразу Анна почувствовала — что-то не так.

Люди, встречая их взглядом, тут же отводили глаза. Кто-то торопливо отходил в сторону, кто-то, наоборот, задерживался, будто пытаясь разглядеть Ратибора исподволь. Шепотки плыли за спиной, как дым:

— Порей... Не простил воевода...

— Гляди, опять ходит...

— Грехи его чёрным дымом вышли...

Анна стиснула пальцы на рукаве Ратибора. Он не подал вида, что слышит, но плечи его напряглись, а скулы заострились.

— Они всегда так, — пробормотал он сквозь зубы. — Боятся того, чего не понимают.

Анна хотела что-то сказать, но тут к ним метнулась маленькая сгорбленная старуха — юркая, как таракан. В руке у неё был тёплый, ещё парящий пирожок, от которого поднимался тонкий пар.

— Возьми, родимый, — выдохнула она, сунув сдобу в ладонь Ратибора, и тут же отскочила назад, крестясь и бормоча молитвы. — Спаси и сохрани... спаси и сохрани...

Ратибор замер, глядя на пирожок в своей руке. Анна видела, как в его глазах вспыхнуло что-то — не то горечь, не то злость. Но он не бросил еду, не отшвырнул. Только сжал пальцы, будто проверяя, реально ли это, будто боялся, что пирожок растает, как сон.

— Почему они так? — тихо спросила Анна, когда старуха скрылась в толпе.

— Потому что я вернулся, — ответил он просто. — Потому что не умер. Потому что хожу среди них, а они не знают, что с этим делать.

Они двинулись дальше, к рядам каменотесов. Анна старалась тихонько поддерживать его под локоть, делая вид, что это не она помогает ему, а он защищает её от неведомой опасности. Но при этом она ловила каждый вздох, каждый едва заметный наклон тела. Ратибор держался — но она видела: с каждым шагом ему всё тяжелее. Его дыхание стало чаще, а на лбу вновь выступила испарина.

Наконец они нашли то, что искали: два старых жернова, выветренные, но крепкие, лежали у края ряда. Камень был серовато-коричневый, с прожилками кварца, а края слегка закруглены временем.

Торговец, коренастый мужик с обветренным лицом, окинул их взглядом и тут же отвёл глаза, будто боясь встретиться с Ратибором взглядом.

— Вам, значит, для дома? — спросил он, постукивая пальцем по краю камня. Звук был глухой, но твёрдый.

— Да, — ответила Анна. — Для дома.

Торговец хмыкнул:

— Дело доброе. Но камни тяжёлые. Донесёте?

— Донесём, — отрезал Ратибор, наклоняясь, чтобы ощупать поверхность жерновов. Его пальцы скользнули по прохладному камню, проверяя, нет ли трещин.

Анна прикусила губу. Она знала: если он возьмётся нести их один, это может стать последней каплей. Но и спорить сейчас — значит унижить его.

Торговец, сообразив, что покупатели готовы расстаться с деньгами, тут же озвучил цену:

— За куну отдам.

Ратибор медленно перевёл на него взгляд, наклонился, приближая своё лицо к торговцу, и внезапно скорчил страшную рожу: перекосил рот, выпучил глаза и тихо зарычал, будто зверь, готовый к прыжку.

Торговец мгновенно побледнел, став блее выжженного солнцем горизонта. Дрожа от самого настоящего страха, прошептал:

— За резанку отдам, только не тронь...

Ратибор достал из кожаного мешочка, висевшего на поясе, две половинки монеты и швырнул на землю прямо под ноги торговцу, заставляя того в ужасе отпрыгнуть.

И всё так же не спеша перевязал жернова верёвками, накинул концы на свой посох и, побледнев от натуги, снова скорчив яростную рожу, поднял палку на здоровое плечо на манер коромысла.

Анна всё это время стояла молча. Она чувствовала, что Ратибор на пределе, что он держится из последних сил, и понимала: любое её слово может всё испортить. Она чувствовала это сердцем — как тихий стук в груди, как холод в ладонях.

— Идём, — сухо скомандовал Ратибор и сделал первый шаг в сторону дома.

Анна скользнула следом, схватила за конец палки, словно держась за него, но на самом деле стараясь незаметно облегчить ношу Ратибору. Её пальцы сжимали дерево, а взгляд не отрывался от его спины.

Так они и шли... А толпа расступалась перед ними, оставляя вокруг свободное пространство диаметром в пару метров. Люди отходили, шептали, крестились, но никто не решался приблизиться.

Анна смотрела в напряжённую спину Ратибора, видела, как он неловко бережёт раненое плечо, и понимала: ему надо отдохнуть.

— Давай остановимся у колодца, — позвала она его. — Я хотела купить рыбу на ужин...

Никакой рыбы ей было не нужно... У них ещё оставалась одна большая рыбина, которую Анна вчера вечером запекла на углях, обмазав глиной. Это был единственный способ продлить срок хранения пищи. Но ей нужно было дать Ратибору время прийти в себя.

— Добро, — Ратибор взглянул на неё — и в этом взгляде было больше благодарности, чем в любых словах.

Он опустил жернова на землю и опёрся на посох, тяжело дыша. Грудь его вздымалась, а на лице проступила бледность.

Анна помчалась по рядам. Она вернулась нескоро, давая Ратибору время восстановить силы. И ничего не купила. Просто потому, что совсем забыла про деньги.

— Слишком дорого, — хмуро заметила она, вернувшись. — Пойдём домой.

Путь от колодца до дома был ещё тяжелее. Ратибор шёл молча, стиснув зубы. Его шаги стали короче, а дыхание — прерывистым. Анна не отпускала конец посоха, на котором висел самый большой камень. Её ладони уже горели от напряжения, но она не жаловалась.

Люди по-прежнему косились, шептали, но теперь ей было не до них. Она видела только спину Ратибора — прямую, упрямую, но всё более сгорбленную под тяжестью груза и незримой ноши прошлого.

Один раз, когда они шли по малолюдной улочке, Ратибор остановился и замер, закрыв глаза. Ветер шелестел листьями, где-то вдалеке лаяла собака, а вокруг было тихо — будто весь мир затаил дыхание.

— Всё хорошо? — тут же спросила она.

— Да, — ответил он, не открывая глаз. — Просто... ветер в голове. Сейчас пройдёт.

Она не стала спорить. Просто стояла рядом, поддерживая посох, чувствуя, как с каждым мгновением Ратибор слабеет всё сильнее. Его пальцы едва удерживали дерево, плечи опустились, а на лбу вновь выступили капли пота. Анна молча подступила ближе, перенесла часть веса жерновов на себя.

Когда они наконец добрались, Ратибор опустился на лавку у ворот и долго сидел, глядя перед собой. Грудь его вздымалась, дыхание было прерывистым, а лицо — бледным, как льняная холстина.

Анна молча принесла воды, подала деревянный ковш. Он выпил не торопясь, мелкими глотками, потом посмотрел на неё.

— Благодарствую, — сказал он просто.

— За что? — удивилась она.

— За то, что не дала упасть.

Анна не ответила. Только кивнула и села рядом. Её рука сама нашла его ладонь — холодную, мозолистую, но живую. Ветер шелестел листьями, а в воздухе пахло землёй, дымом и чем-то неумовимо домашним.

Глава 14

Анна первой нарушила молчание и наконец решилась задать вопрос, что жёг ей язык весь день:

— Почему они зовут тебя Пореем?

Ратибор медленно повернул к ней голову. В его глазах ещё тлела усталость, но взгляд стал чуть яснее — затуманенное болью сознание понемногу прояснялось. Он помолчал, взвешивая слова на невидимых весах, потом тихо ответил:

— Потому что я открыл тебе настоящее имя. То, что дал мне отец. Без него твои чары не сработали бы.

Анна нахмурилась, на лбу пролегла тонкая морщинка:

— Чары?

— Не пугайся, — он слабо улыбнулся, и в этой улыбке промелькнула знакомая усмешка, — Имя — это ключ. Если знаешь подлинное, можешь и помочь, и навредить. Потому у всех есть прозвище — чтобы уберечь человека, чтобы чародей не дотянулся. Но когда я тебя увидел, сразу понял: ты хочешь помочь.

— У меня нет прозвища, — сказала Анна задумчиво, рассеянно проводя пальцем по краю лавки, где дерево было стёрто годами прикосновений.

Ратибор рассмеялся — тихо, но искренне, и этот звук, такой редкий в последние дни, согрел её изнутри:

— Как это нет? Я тебя только «хозяйкой» и зову.

Она фыркнула, и в этом коротком звуке смешались и досада, и лёгкая насмешка:

— Если ты на торгу меня так назовёшь, обернутся все женщины. Каждая в своём доме — хозяйка.

Он задумался, склонив голову, и солнечный луч, пробившийся сквозь щель в ставнях, лёг на его тёмные волосы, высветлив седые пряди, которых она раньше не замечала. Потом кивнул, будто пришёл к решению:

— Тогда будешь Вея.

— Вея? — Анна приподняла бровь, и её глаза — серые, как утренний туман над рекой — внимательно изучали его лицо. — Почему?

— Потому что пришла ниоткуда, как ветер из степи. Веет от тебя силой незнакомой, жизнью веет. Да и слово это древнее: «веать» — значит и зерно очищать, и дух давать. Ты меня от смерти очистила, дух вернула. Для всех будешь Вея — и коротко, и никто не догадается, чьих ты кровей.

Анна молчала, впитывая его слова. В них было что-то... верное. Будто имя уже ждало её, пряталось в складках ветра, пока она не пришла. Она закрыла глаза, пробуя новое имя на вкус, и почувствовала, как оно ложится на душу, как хорошо пригнанная одежда.

— Вея, — повторила она шёпотом, и звук этот растворился в тишине, как капля дождя в реке. — Мне нравится.

Ратибор кивнул с удовлетворением, словно завершил важное дело.

К вечеру состояние Ратибора ухудшилось. Поход на торг истощил его силы: жар вернулся, кожа пылала, как раскалённый камень, а из потревоженной раны вновь сочилась сукровица, оставляя на рубахе тёмные пятна. Анна уложила его на лавку, принесла воды из колодца — ледяной, с лёгким привкусом железа, — смочила тряпицу и приложила ко лбу. Ткань тут же стала тёплой, впитав жар его тела.

— Ничего... — пробормотал он, стиснув зубы так, что на скулах заиграли желваки. — Это не беда.

— Не беда?! — воскликнула Анна, и голос её дрогнул. Она провела ладонью по его щеке — кожа была сухой и горячей, как обожжённая глина. — Ты весь горишь! Не стоило идти на торг.

Она достала последнюю таблетку обезболивающего, и дала ему с водой. Жаропонижающего уже не осталось.

— Жар изгоняет хворь из тела, — прошептал Ратибор, закрывая глаза. Его ресницы трепетали, а на виске пульсировала тонкая синяя жилка. — Если он вернулась, значит, оно борется. Значит, выздоравливает. И я скоро точно встану на ноги.

Анна села рядом, сжимая его руку. Её пальцы ощущали неровный пульс, биение жизни, которое она так боялась потерять. Она понимала: он ошибается. Высокая температура говорила о том, что организм ещё слишком слаб и до полного выздоровления далеко.

«Если бы у меня было больше таблеток! — думала она, глядя на его осунувшееся лицо. — Или если бы сейчас было утро — я могла бы сбегать на ярмарку и купить ивовой коры. Помню, как отец поил меня горьким отваром, когда я простудилась в походе...»

Но за окном уже ступали сумерки. Небо из голубого превращалось в лиловое, а тени удлинялись, заполняя углы комнаты. До рассвета — несколько часов. И Ратибор мог не выдержать.

Хотя... Внезапно она вспомнила: за конюшней рос небольшой кустик с узкими, ланцетовидными листьями, серебристыми снизу. Возможно, это была ива. А может, и нет. Но проверить стоило.

Анна направилась к конюшне. Воздух был пропитан запахом сена, конского пота и земли. Ветер шелестел сухой травой, а вдали кричала ночная птица — тоскливо и протяжно.

Действительно, это оказалась ива. Раньше вокруг конюшни тянулся плетень, сплетённый из гибких ветвей, но теперь он развалился — лишь один прутик пустил корни и выжил, став спасением для Ратибора. Дерево стояло в углу двора, одинокое и стойкое, с тонкими ветвями, которые трепетали на ветру, словно руки, тянущиеся к небу.

Анна собрала свежие ветки. Листья решила не удалять: рассудила, что полезные вещества, содержащиеся в коре, наверняка присутствуют и в листе. Вскипятила воду в горшке, глядя на мерцающие в темноте южной ночи угли. Приготовила отвар, помешивая деревянной ложкой, пока жидкость не приобрела насыщенный коричневый оттенок. Когда напиток настоялся и слегка остыл, на дворе стояла крошечная тьма, и только звёзды, яркие и холодные, смотрели сверху, будто молчаливые свидетели её усилий.

Ратибор метался на лавке, время от времени вскрикивая. Его тело пылало от жара, рубашка прилипла к спине, а на лбу выступили крупные капли пота. Анна приподняла его голову — она казалась тяжёлой, как камень, — и с трудом напоила горьким настоем. Отвар пах лесом, корой и чем-то терпким, почти забытым.

Спустя некоторое время воин успокоился. Его дыхание стало ровнее, хотя температура ещё держалась.

Всю ночь Анна не смыкала глаз у лавки Ратибора. Она поила его ивовым отваром и свежей водой, меняя мокрую ткань на его лбу. Каждый стон заставлял её вздрагивать, каждый хрип — вслушиваться с замиранием сердца.

В полумраке комната казалась чужой и враждебной. Тени от лунного света на беленой стене напоминали зловещие силуэты, будто выжидавшие момента её слабости. Где-то за окном ухала сова, а в углу шуршали мыши — ночные звуки, равнодушные к человеческим страданиям.

Анна смотрела на его лицо — осунувшееся, с тёмными кругами под глазами, но всё ещё сильное, упрямое. Она провела пальцами по его руке, ощущая, как под кожей пульсирует жилка.

— Держись, — шепотом попросила она. — Только держись.

Время тянулось бесконечно. А она всё сидела, не отпуская его руки, как будто её прикосновение могло удержать его на этом свете.

С первыми лучами солнца жар отступил, изнузив обоих. Сильно ослабевший Ратибор лежал неподвижно, но дыхание стало размеренным и спокойным. Грудь поднималась и опускалась ритмично, а лицо, хоть и оставалось бледным, уже не пылало. На щеках даже проступил лёгкий румянец, как отблеск рассвета.

Анна, обессиленная бессонной ночью, уснула прямо на грязном глиняном полу, привалившись к лавке. Её волосы разметались, лицо было измученным, но в уголках губ таилась тень покоя.

За окном медленно разгоралась заря. Небо из серого становилось розовым, а первые лучи солнца пробивались сквозь щели, золотя пыль в воздухе. Новый день начинался тихо, без суеты, будто сама природа затаила дыхание, даря им передышку.

Глава 15

Анна проснулась ближе к полудню. Солнечные лучи пробивались сквозь щели в ставнях, рисовали на глиняном полу золотые полосы. Она вздрогнула, осознав, сколько времени прошло, и тут же потянулась к Ратибору — проверить его состояние.

С ним всё было в порядке. Лихорадка отступила, оставив после себя лишь глубокую слабость. Ратибор спал — ровно, спокойно, без метаний и стонов. Его дыхание было ровным, а кожа — прохладной. Анна облегчённо выдохнула и на цыпочках вышла во двор.

Солнце пекло безжалостно, будто мстило за прохладную ночь. Воздух дрожал от зноя, а тени казались выцветшими, истончёнными жарой. Кожа под платьем чесалась и зудела — вчера Анна вспотела много раз, но помыться, как обычно, в вечерней темноте не смогла.

— Ничего не случится, если я быстро ополоснусь при свете дня, — тихо произнесла она. — К ним с Ратибором всё равно никто не заходит, а он сейчас так слаб, что сам и на лавке не сядет.

Она набрала воды из колодца в ведро, разделась и принялась мыться с мылом. Холодная колодезная вода стекала по спине, смывая усталость и липкий след бессонной ночи. Анна вылила на себя остатки воды и переступила на сухую траву, выйдя из тени шелковицы. И уже собиралась обтереться своим потрёпанным убрисом — единственным «полотенцем», что у неё было, — как вдруг услышала вскрик.

На неё, замерев посреди двора, ошарашенно смотрел незнакомый воин. Чуть старше Ратибора, с жёсткими чертами лица. Его глаза расширились, рука сама дернулась к вороту рубахи, нащупывая крест, а губы беззвучно зашевелились в охранной молитве.

Анна молниеносно завернулась в убрис. Ткань едва доходила до колен, оставляя ноги открытыми, но она сразу почувствовала себя увереннее. Однако тревога кольнула сердце: вдруг этот воин опасен? Ратибор слишком слаб, чтобы защитить её...

Но незнакомец рухнул на колени, отвёл глаза и покраснел.

— Не губи, Лебедушка... — прохрипел он, глядя в землю. — Не со зла я... Взор мой поганый не по воле моей на тебя пал. Прости грешного, не лишай силы воинской!

Он лихорадочно сорвал с шеи кожаный шнурок с серебряным наконечником стрелы и вытянул руку вперёд, не открывая глаз.

— Возьми, Хозяйка... В искупление возьми. Только не кляни!

Анна ничего не понимала. Она машинально отступила в тень, надеясь, что воин уйдёт. Но он продолжал стоять на коленях, будто чего-то ждал. Тишина повисла между ними, нарушаемая лишь стрекотом кузнечиков и далёким лаем собаки.

Анна невольно оглянулась на дверь избы, туда, где спал Ратибор. Ей вдруг представилось, как он, услышав шум, пытается подняться, но падает, потому что некому поддержать. Эта мысль обожгла её решимостью.

— Да встань ты уже... — произнесла она. — Я не злюсь на тебя. Случайно вышло, забудь. Считай, что ты ничего не видел.

Незнакомый воин вздрогнул, прижал руку к сердцу:

— Твоя воля, Хозяйка. — Он медленно поднялся, отряхивая колени, но глаза держал долу. — Спасла ты меня от гнева своего, и я того не забуду. Пришёл я к Порею. Позволь увидеть побратима.

Анна помедлила, оценивая гостя. В его голосе не было угрозы, лишь искреннее раскаяние. Она вспомнила, как Ратибор говорил о побратимах — о тех, кто не предаст, даже если весь мир отвернётся. И решила: пусть увидит.

— Он в доме. Ему ещё тяжело вставать. Но ты проходи.

Мужчина переступил порог. В полумраке избы его силуэт казался ещё более массивным, а тень, отброшенная на стену, почти угрожающей. Но когда он увидел Ратибора, его голос мгновенно изменился. Суеверный трепет сменился тяжёлой, мужской горечью.

— Гляди-ка, Порей... Живой. Слушай меня, брат, времени мало. Воевода наш совсем разум потерял, сил моих уже нет терпеть сумасброда. Я ухожу в степь. И ты уходи, как только ноги держать станут.

— Нескоро то будет, Твердята, — глухим хриплым голосом произнёс Ратибор. — Да и куда я пойду? Тмутаракань — дом мой. Деды мои здесь в землю легли. Здесь я первый раз меч свой взял.

Слова давались ему тяжело, каждое будто вытягивало остатки сил. Анна уже успела одеться и теперь стояла у двери, настороженно замерев, готовая прийти на помощь.

Она чувствовала: он не будет спокойно лежать, он захочет говорить с Твердятью как воин. Так и вышло: Ратибор попытался встать, но неловко дернул раненным плечом и побледнел, заваливаясь назад.

Анна оказалась рядом, подхватив его за здоровый бок. Её движения были точными, выверенными, за дни ухода она научилась чувствовать каждое изменение в его состоянии.

— Тише ты... — проворчала она, устраивая его поудобнее. — Опять жар вернётся.

Твердята замер, наблюдая за этой короткой сценой. Он увидел, как её тонкие, неестественно белые руки поддерживают могучую спину побратима. В этот миг, когда полуденные лучи пробились сквозь дверной проем, ему показалось, что от её пальцев исходит тихое свечение. Это была просто игра света на коже, но он увидел чудо.

Воин невольно сглотнул. В его памяти всплыли старые сказания о вещих девах, что хранят воинов не мечом, а силой духа. Он опустил взгляд, но в голосе его зазвучала новая твёрдость:

— Истино, Порей... — прошептал он. — Вещая Дева тебя хранит.

Анна, всё ещё поддерживая Ратибора, коротко улыбнулась Твердятье. Словно призналась: да, она здесь, и она хранит его.

Твердята сделал шаг вперёд, не смея поднять глаз на Анну, но уверенно глядя на Ратибора:

— Прощай, брат... Вижу, в надёжных ты руках. Не пропадёшь. Теперь и мне уходить не страшно. Коли такая сила за твоей спиной стоит — Тмутаракань ещё вздрогнет, когда встанет время твоё.

Он коротко кивнул обоим, развернулся и вышел, оставив за собой лишь лёгкое колебание воздуха и тяжёлый запах кожи и металла.

Когда дверь закрылась, Анна опустила Ратибора на ложе. Он поймал её взгляд и улыбнулся.

Глава 16

После ухода Твердыты Анна обмыла Ратибора, накормила и велела отдыхать. Он послушно кивнул, не поднимая глаз. В его взгляде больше не было упрямого блеска — только тихая, трезвая покорность. Ратибор уже понял: вчерашнее бахвальство на торгу вышло ему боком. Он переоценил свои силы, и если бы не Анна, его ничто не спасло бы от смерти.

Анна же, несмотря на нещадную жару, занялась установкой жерновов. Ей хотелось как можно быстрее попробовать сделать плитку из цемянки. Заливать пол целиком — слишком тяжёлая работа. А вот изготовить плитки и потом выложить ими пол — это ей под силу. Она подкатила тяжёлые камни ближе к дому — туда, где после полудня всегда царила густая тень от стены. Солнце не должно было раскалять камень, иначе работа превратилась бы в пытку.

Затем расстелила старое, грязное тряпье, найденное в конюшне. Нужно было защитить керамический песок от земли — что-то подсказывало Анне, что пыль ослабит крепость плитки. Края ткани она прижала камнями, чтобы их не унесло ветром.

В центре установила тяжёлый нижний жернов — массивный, со сквозным отверстием посередине. С усилием взвалила на него второй, верхний: тот был полегче, но всё равно требовал немалой сноровки. В нем имелось два отверстия — одно строго в центре, другое сбоку.

Анна осмотрела конструкцию, нахмутив брови. Она никогда не видела ручной мельницы, но сейчас, глядя на два жернова, начала понимать принцип её работы.

— Очевидно, в центре должен быть какой-то штырь, — размышляла она вслух, оглядывая камни. — Он бы скреплял всё воедино.

Она покопала за конюшней, среди развалин плетня, и нашла толстую, с руку, палку — сухую, крепкую, хорошо выдержанную. С трудом вбила её в центральное отверстие. Толщина палки лишь чуть уступала диаметру дыры, и дерево скрипело, входя в камень.

Ещё немного подумала и принесла короткий, но толстенький колышек — для бокового отверстия. Вставила, попробовала крутануть верхний жернов... и ничего не вышло. Камень лишь дрогнул, но не повернулся.

Анна несколько раз обошла конструкцию, приглядываясь, пробуя на ощупь, размышляя. В голове мелькали образы: как вращаются жернова на мельнице, как сыплется мука... Но здесь — не мука, а обожжённая глина, которую нужно превратить в мелкий песок для плитки.

И вдруг поняла: она допустила две серьезные ошибки.

Первая — между жерновами должен быть зазор. Без него камни просто заклинит, и никакое усилие не заставит их вращаться.

Вторая — нижний камень надо как-то закрепить на земле. Иначе при первом же повороте верхний жернов сдвинет основание, и вся конструкция развалится.

Пришлось потратить время и кучу усилий, чтобы вытащить верхний камень с толстой палки. Пот катился по спине, руки дрожали от напряжения, но Анна не останавливалась.

Для закрепления нижнего камня она вбила несколько колышков по его периметру. Теперь жернов лежал достаточно крепко, не сдвигался ни на палец.

А вот над тем, как создать зазор между камнями, пришлось поломать голову. Анна перебрала в уме разные варианты: щепки, обломки черепицы... Но всё казалось ненадёжным, способным разлететься в прах при первом же обороте. Чтобы молоть черепки, а не зерно, нужна была сила и твердость.

И тогда она вспомнила: в конюшне, среди ветоши и старого скарба, валялось кованое железное кольцо. Она подняла его тогда из любопытства, стряхнув сухой навоз и пыль, — и отложила, поразившись весу темного металла.

Теперь кольцу нашлось применение. Толщиной в половину ее мизинца, оно стало спасением. Анна плотно насадила кольцо на центральную ось-палку, забив его чуть ниже края. Оно село туго, став железным плечом для тяжелого камня.

Анна медленно опустила верхний жернов на место. Камень не рухнул на основание, а мягко осел на железное кольцо, оставив между жерновами тот самый щедрый зазор, необходимый, чтобы проглотить первый кусок обожженной глины.

Она взялась за короткую рукоять и осторожно повернула. Верхний жернов плавно сдвинулся, закрипел, пробуя на вкус железную опору — но не заклинил, а пошёл дальше, равномерно и тяжело. .

— Получилось, — устало, но абсолютно счастливо выдохнула Анна.

Солнце уже клонилось к закату. Тени удлинились, а воздух стал мягче, будто дыхание земли, уставшей от зноя. Где-то вдали прокричала птица. Коротко, будто подавая знак, что день закончился.

Глава 17

Анне не терпелось как можно скорее опробовать свою мельницу. Но сначала надо было сходить на торг: последнюю рыбину они съели ещё позапрошлым вечером, и вчера пришлось есть пустую просяную кашу. Без рыбы, вяленого мяса или хотя бы пареной репы рацион становился скудным, а силы — не бесконечны.

Она снова скатала шары из мыла — на этот раз аккуратнее, чем прежде. Завернула каждый в широкие листья лопуха, перевязала ивовым лыком. Черепки, оставшиеся после приготовления цемянки, перестали быть отходами — теперь это был ценный ресурс, который Анна не хотела терять даже для упаковки.

Лыко оказалось жёстким и засохшим, но Анна не стала ждать милости от природы. Бросила нарезанные ленты ивовой коры в котелок с кипятком. Спустя четверть часа лыко, ещё недавно прямое и неподатливое, обмякло, став послушным, как шёлковая лента. Теперь оно пахло горькой ивовой сладостью и было готово стянуть мыльные шары в надёжные узелки.

Сложив мыло в корзинку, Анна направилась привычным маршрутом на торг. Раньше площадь встречала её привычным гомоном и безразличием, но сегодня всё было иначе.

Стоило ей ступить на торг, как волна шёпотов побежала впереди, словно рябь по воде перед грозой. Люди не просто смотрели — они высматривали. Искали глазами ту огромную тень, что шла за ней в прошлый раз, а не найдя — со страхом переводили взгляд на неё саму. Анна чувствовала это и ей было не по себе. Она не понимала, чего теперь ждать.

Толпа колыхалась, перетекала от лавки к лавке, звенела медью, пахла дымом, рыбой и кожей. Анна пробиралась сквозь гущу людей, стараясь не терять из виду ряды с провизией. Но прежде чем купить еду, ей нужно было решить другую задачу — найти обувь.

Она до сих пор ходила в своих кедах из будущего — старательно вымазанных грязью, чтобы скрыть «иноземное» происхождение. И очень боялась, что кто-нибудь заметит.

Анна направилась к рядам, где торговали кожевенники. Она знала, что не найдёт там привычной обуви, но не была готова к тому, что выбор окажется настолько скудным. Она и раньше замечала: местные в большинстве ходят босиком. Лишь воины — вроде Ратибора или Твердяты — носили высокие кожаные сапоги, перетянутые ремнями.

У кожевенников цены кусались: высокие сапоги, как у Ратибора, — две ногаты; мягкие женские из красного сафьяна, без украшений — пять ногат; а черевички, сшитые из нескольких кусков кожи, — полторы-две ногаты. Таких денег у Анны не было.

Выходило, что единственная доступная ей обувь — поршни: куски сыромятной кожи, которые нужно затягивать на ноги завязками. Их можно было купить за несколько резанок — или за два шарика мыла.

Вот подошвы у такой обувки вовсе не было. Ходить босиком Анна уже пробовала — и ей не понравилось: ступни слишком нежные, и каждый шаг причинял жуткую боль.

А ещё поршни требовали постоянной заботы: их надо было смазывать жиром и дёгтем, иначе кожа ссыхалась и трескалась. Кирилл много рассказывал о прошлом, и хотя Анна не всегда его слушала, знания изредка всплывали в её голове. Как сейчас.

Она медленно шла по рынку, присматриваясь к товарам, к людям, к их ногам... Вдруг найдется обувь, которая ей подойдет и не будет слишком дорогой? Но пока видела только грязные босые ступни с заскорузлыми пятками и черной каймой под обломанными ногтями. И от этого желание приобрести нормальную обувь становилось ещё нестерпимее. Она так увлеклась, что перестала смотреть по сторонам.

Внезапно кто-то сильно толкнул её. Анна подняла взгляд. Это была старая гречанка, сгорбленная, с тёмными, глубоко посаженными глазами и узловатыми пальцами, униженными медными кольцами.

— Чего встала? — хрипло бросила она, не оборачиваясь. — Не видишь, люди идут?

Анна едва удержала корзинку, чуть не выронив мыло. Она чуть замешкалась, потому что взгляд ее зацепился за ноги старухи. На гречанке были сандалии: толстый кусок кожи (толщиной в половину мизинца) с кожаной завязкой. Идея казалась чуть лучше поршней — по крайней мере, сандалии держали форму, не сползали, не натирали. Но они всё равно не спасали ступни от острых камешков и неровностей дороги. Какой бы толстой ни была кожа, она оставалась слишком тонкой.

И тут её осенило.

«А если сделать подошву из дерева? На манер сабо...»

Идея показалась ей простой и вместе с тем — многообещающей. Главное — найти того, кто сможет вырезать подошву по размеру её ног. Наверняка на торгу есть мастера по дереву...

Анна вспомнила: совсем недавно она проходила мимо рядов, где пахло древесной стружкой. Там продавали ложки, ковши, деревянные чаши. Если мастера умеют выточить такие изделия, значит, справятся и с подошвой.

Она развернулась и направилась туда, уже представляя, как будет примерять первые деревянные сабо, как ступать по пыльным улицам твёрдо и уверенно, не боясь камешков и колючек. В голове уже складывался образ: гладкая деревянная подошва, с выемками для ступней, и кожаные ремешки, надёжно фиксирующие стопу.

И такая обувь ей точно по карману.

Глава 18

Ряд древоделов обнаружился неожиданно быстро — словно сам собой вырос за углом, где пахло свежей стружкой и смолой. Анна не стала медлить: решительно направилась к самому крайнему мастеру — высокому, худощавому парню, напоминавшему колодезный журавль. Его длинные руки привычно сжимали скобель, а взгляд был сосредоточен на работе.

— Здрав будь, мастер, — произнесла Анна, слегка склонив голову в приветственном жесте.

Мастер оторвался от дела, окинул её внимательным взглядом и ответил пожеланием здоровья.

— Сможешь ли ты, мастер, сделать мне из дерева штуку, которую ещё никто не делал? — без предисловий спросила Анна.

— Сложная ли? — вскинулся мастер, прищурившись. В его голосе звучала настороженность человека, привыкшего к простым заказам.

— Не столько сложная, сколько необычная, — мягко улыбнулась Анна. — Мне нужна подошва из дерева.

— Подошва? — брови мастера поползли вверх. Он явно не мог представить, о чём идёт речь. Подошва — это же у сапога... или у башни... или у горы. А всё одно, не его это дело.

— Да, — кивнула Анна. — Такая деревянная дощечка с выемкой для ступни...

— Грязеступы, что ли? — догадался мастер, и в его глазах мелькнуло облегчение.

— Да-да! — обрадовалась Анна. — Грязеступы.

— Добро, — кивнул мастер, потянулся к небольшой чурке и взял её в руки. — На какие поршни их меришь: на меховые, али летние?

— На босу ногу, — улыбнулась Анна, уверенная, что теперь то он точно понял.

Но мастер снова замер, на этот раз с занесённым ножом. Его лицо выразило полное замешательство.

— На босу ногу? — заморгал он, словно пытаясь прочесть в её словах скрытый смысл.

Анна почувствовала, как между ними растёт стена непонимания.

— Да, — терпеливо повторила она. — Дощечка с выемкой для ступни... Чтоб ноге удобно было. И с дырками для ремешков.

Мастер несколько раз моргнул, потом резко бросил чурку на верстак. Его движения выдавали раздражение человека, столкнувшегося с необъяснимым. Он быстро разровнял перед собой пыльную землю и кивнул:

— Черти, что тебе надобно. А то ишь... Дырки, выемки...

Анна не стала спорить. Огляделась, нашла подходящий камень и, поставив ногу посреди ровного участка, быстро обвела свой кед, отступив от края на половину мизинца.

— Вот такой формы надо подошву выстругать, — пояснила она, указывая на контур. — И вот здесь, — ткнула пальцем, обозначая четыре точки, — просверлить дырки. И сделать выемки для ступней...

Её слова повисли в воздухе. Как объяснить то, что ещё не существует в этом мире? В этот момент она заметила за спиной мастера ведро с мягкой, влажной глиной.

— Дай-ка глину... Покажу, как надо... — попросила она.

Мастер, уже готовый на всё, молча протянул ей ковш. Анна вылила глину на землю, разровняла рукой до состояния плоской лепёшки, припорошила сверху пылью. Затем, не колеблясь, сняла кед и наступила босой ногой на мягкую поверхность, оставив чёткий след.

Мастер замер. Его глаза широко раскрылись — он никогда не видел таких ног. Белые, нежные, без следов вьёвшейся грязи, без грубых мозолей и обломанных ногтей. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на благоговение.

— Лебедушка... — вырвалось у него.

Анна оставила отпечаток второй ноги, затем присела на корточки и острым краем камня обвела форму будущих подошв, отступая от края слепка на мизинец.

— Вот так, — её голос звучал спокойно и уверенно. — Пятка должна быть чуть выше носка, мысок — слегка закруглённым, чтобы не спотыкаться. Здесь, — она пальцем обозначила четыре ямки на слепке, — нужны дырки для кожаных ремешков. А снизу вырежь ямки, чтобы узлы не стёрлись.

Мастер опустился на колени, словно перед чем-то священным. Он внимательно изучал отпечатки ног, проводя пальцами по контурам, будто пытался постичь тайну, скрытую в этих следах.

— Ну, как сделаешь? Заплачу два куска мыла, — мягко напомнила Анна.

Он поднял на неё взгляд, в котором читалось восхищение и любопытство.

— Сделаю... Приходи, когда солнце над головой встанет.

— Хорошо, — кивнула Анна, пряча улыбку. — Буду к обеду.

Она сделала всего два шага от лавки, когда её догнал вопрос:

— А из какого дерева делать-то?

— Из того, что не боится воды и грязи, — рассмеялась Анна.

Пока мастер трудился над необычным заказом, она занялась неотложными делами. Быт без холодильника диктовал свои правила. Продукты надо было покупать часто и по чуть-чуть, чтобы ничего не испортилось.

У рыбака с обветренным лицом Анна обменяла мыло на пару больших свежих рыбин, которых рыбак вручил ей вместе со старой корзинкой, выстланной влажными водорослями для защиты от солнца.

Дальше она направилась к овощным рядам. Старушка с проницательными глазами, увидев мыло, оживилась:

— Репу хочешь? Свежая, крепкая. Гарнец дам, да две горсти сушеного кизила в придачу. К рыбе добавь, когда готовить будешь, мужику твоему понравится.

— Договорились, — улыбнулась Анна.

Старушка ловко отсыпала отборную репу в корзинку к рыбе и протянула мешочек с тёмно-красными ягодами. Анна же отдала ей завернутое в лопух и перетянутое лыком мыло. Старушка тут же надорвала листы, ткнула пальцев в мягкий колобок, чтобы убедиться, что ее не обманули.

— Добро, — кивнула она. — Хорошее у тебя мыло, хозяйюшка.

Потом Анна попробовала продать мыло за деньги, не привыкла она к обменам и все еще чувствовала себя неловко. Но сколько бы она не ходила по лавкам, к каким торговцам бы не предлагала мыло, а все одно... Они только руками разводили, мол, на обмен возьмем, слышали, что народ мыло твое хвалит, а резанок — нет...

Время пролетело незаметно. Солнце подбиралось к зениту, и оставалось совсем немного времени, чтобы отнести припасы домой, проверить, как чувствует себя Ратибор, и вернуться к мастеру за долгожданными подошвами.

Глава 19

Мастер ждал Анну у верстака. В руках он бережно держал две дощечки — тёмно-коричневые, гладко отшлифованные, с продуманными изгибами, точно повторяющими форму ступни. Задняя часть чуть приподнята, носок аккуратно скошен и закруглён, по краям выведены четыре отверстия. Сверху — тщательно вырезанные выемки пяточки, свода и каждого пальчика, снизу — аккуратные насечки и ямочки для узлов.

— Ну, гляди, — протянул он подошвы. — Получилось, как ты хотела. Красиво вышло, а?

Анна взяла изделия в руки. Они оказались удивительно лёгкими, тёплыми, с тонким ароматом древесины и льняного масла. Качество исполнения поразило её: такие сандалии не стыдно было бы носить и в её родном мире.

— Прекрасно, — с искренним восхищением выдохнула она. — Просто прекрасно.

Мастер усмехнулся:

— Так ты и вправду собираешься в этих штуках ходить? Они ведь на греческие сандалии похожи?

— Именно так, — подтвердила Анна. — Я собираюсь сделать сандалии.

— А-а, — в глазах мастера вспыхнуло понимание. — Тогда всё ясно. Я так и подумал. Потому и пропитал их смесью жира, воска и льняного масла. Теперь не рассохнутся, не потрескаются. Только смотри — если намочишь, суши в тени, а не на солнце.

Он ненадолго замолчал, затем с неподдельным любопытством добавил:

— Когда сделаешь, покажешь, что получилось? Очень уж интересно.

— Конечно, — пообещала Анна. — Как только закончу, приду.

Следующим пунктом назначения стали ряды кожаных дел мастеров. Анна без труда отыскала лавку, где торговали обрезками сыромятной кожи — не самой дорогой, но прочной и гибкой. За шарик мыла хозяин щедро отсыпал ей целый ворох обрезков и вдобавок вручил короткий, старый, но безупречно острый нож — чтобы было удобнее нарезать ремни.

По пути домой Анна мысленно прокручивала процесс создания перемычек: разрезать кожу на ленты, затем сплести их в изящные косички — так получится и прочно, и красиво.

Устроившись на крыльце, где солнечный свет падал ровно и ярко, Анна разложила материалы: деревянные подошвы, кожаные полосы и острый нож. Первая же попытка разрезать кожу показала: сыромятка слишком жёсткая. Такая обувь будет натирать и царапать кожу при каждом шаге.

Анна задумалась, затем решительно взяла большой глубокий черепок. Плеснула туда немного жидкого мыла и столько же застывшего топлёного нутряного жира, который хранился в прохладе избы и использовался для жарки. Тщательно размешала ингредиенты, добиваясь однородной массы. Потом начала добавлять горячую воду — по капле, чтобы смесь не расслоилась, а превратилась в нежную эмульсию.

Замочив несколько кусков кожи в тёплом растворе, Анна с надеждой наблюдала за процессом. Она рассчитывала, что смесь одновременно разрыхлит волокна кожи и пропитает их маслом — тогда материал сохранит мягкость и не затвердеет со временем.

Спустя несколько часов кожа заметно изменилась: потемнела и стала податливой, словно мокрая тряпка. Анна аккуратно разложила полоски на краю очага в тени шелковицы и оставила на ночь — чтобы просохли естественным путём.

Наутро кожа преобразилась: стала мягкой, эластичной и удивительно приятной на ощупь. Анна взяла старую доску в качестве линейки и нарезала кожу на ровные узкие ленты. Затем, выбрав три полоски, принялась плести косичку — аккуратно, плотно, чтобы конструкция получилась надёжной.

Когда первая перемычка была готова, Анна тщательно примерила её к подошве, продевая через отверстия и закрепляя прочным узлом. Повторила процедуру с остальными перемычками.

Результат превзошёл ожидания. Сандалии выглядели удивительно гармонично: тёмная древесина подошв изящно сочеталась со светлой плетёной кожей, а плавные изгибы подчёркивали продуманность конструкции. Анна надела их, встала и сделала несколько пробных шагов.

Ощущения оказались превосходными: обувь сидела идеально, ступня лежала как влитая, а общий вес был почти неощутим.

Однако обнаружился один недостаток: при ходьбе сандалии били по пяткам. Дерево оказалось слишком жёстким для ног, не привыкших к твёрдой подошве.

Анна не стала долго размышлять. Быстро вырезала из мягкой кожи две скруглённые стельки-заплатки для пяток — такие, чтобы доходили до середины стопы. Оставалось самое сложное — надёжно прикрепить их к подошве.

Она перебрала варианты: клейстер из муки слишком недолговечен, смолы под рукой нет, клей из остатков кожи потребует много времени и всё равно будет бояться влаги. А ей нужна была обувь, способная выдержать дождь и не подвести в нужный момент.

В голове щёлкнул верный вариант. Анна направилась в дом и открыла сундучок. Там, припасённые с прошлого похода на торг, лежали шарики курта — сушёного творога.

Она бережно растерла курт в порошок между двумя камнями, затем добавила немного известкового молока. Творожные крупинки мгновенно вступили в реакцию, превращаясь в крепкий казеиновый клей, устойчивый к влаге.

С предельной аккуратностью Анна нанесла клей на подошвы, прикрепила стельки и плотно прижала их, встав всем весом. Нужно было добиться идеального прилегания — чтобы каждая кожаная заплатка заняла своё место в соответствии с анатомией её стопы.

Результат стоил всех усилий: лёгкая, изящная обувь, которую невозможно было заподозрить в «самодельности». Каждая деталь выглядела продуманной, а общий облик сочетал простоту и элегантность.

С сияющей улыбкой Анна вошла в избу. Ратибор, полусидя на ложе, повернул голову на звук шагов.

— Что это за стук? — спросил он, слегка нахмурившись.

— Это я сделала себе обувь, — Анна шагнула вперёд, демонстрируя сандалии. — Смотри.

Ратибор внимательно разглядывал необычную обувь. Его молчание длилось долго, словно он пытался осмыслить увиденное. Наконец, он медленно кивнул — многозначительно, будто разгадал какой-то важный секрет.

— Красиво, — произнёс он сдержанно. — И удобно?

— Очень, — подтвердила Анна, делая ещё один шаг. Сандалии тихо простучали по глиняному полу.

На лице Ратибора появилась едва заметная, но тёплая улыбка.

— Никогда такие не видел, — признался он.

Глава 20

После завтрака Анна взялась за дело, которое откладывала несколько дней: молоть кремниевую крошку в мелкий песок на самодельной мельнице. Ей всё ещё хотелось попробовать сделать плитку из цемянки и уложить в избе пол, который не боится воды. Мысль о сухом, прочном покрытии грела душу — не придётся латать глиняные ямы, не будет сырости, не будет пыли.

Работа оказалась куда тяжелее, чем она предполагала. Жернова, ходившие на холостом ходу довольно легко, мгновенно стопорились, стоило насыпать между ними раздробленные кремниевые черепки. Каждое вращение требовало упорства и силы — словно она боролась не с камнем, а с упрямым зверем, который норовил вырваться, вывернуться, сломать руки.

Лоб быстро покрылся испариной; капли стекали по вискам, затекали за ворот рубахи. Мышцы ныли от непрерывного напряжения, а ладони начали саднить — грубая кромка рукояти вгрызалась в кожу, оставляя красные полосы. В воздухе висела тонкая, едкая пыль, которая оседала на губах, скрипела на зубах, забивала ноздри.

К тому же Анна старалась не шуметь. Она знала: если Ратибор увидит или услышит, как она мучается с жерновами, непременно попытается встать и помочь. А этого допускать нельзя. После той ночи, когда он принёс жернова и мучился от горячки, его состояние лишь слегка улучшилось — но стоит ему перетрудиться, жар вернется. И Анна уже может с этим не справиться.

Через полчаса кожа на пальцах стала тонкой и чувствительной — ещё немного, и появятся мозоли. Анна остановилась, разглядывая покрасневшие ладони. Если ничего не предпринять, завтра они покроются кровавыми волдырями, и она не сможет не только молоть керамику, но даже удерживать ложку без боли.

Недолго думая, она обмотала кисти мягкими кожаными полосками, оставшимися после изготовления сандалий. Кожа была тонкой, но прочной, и плотно облегалась руки, смягчая давление. Затем смочила кусок льняной ткани, отжала и аккуратно завязала лицо, оставив только глаза. Ткань тут же пропиталась пылью, но дышать стало легче — кремниевая крошка больше не душила, не заставляла кашлять и чихать.

Солнце медленно ползло по небу. Анна работала, считая обороты, прислушиваясь к скрипу жерновов и собственному дыханию. Время от времени она останавливалась и тайком заглядывала в дверь: Ратибор лежал на лавке и, кажется, дремал. Его грудь поднималась ровно, лицо было спокойным.

Когда солнце склонилось к закату, а небо окрасилось в тускло-оранжевые тона, Анна наконец оставила жернова. Она смолотла всю заготовленную крошку. Теперь перед ней стояло полуведро не крупного керамического песка — ровного, серовато-розового, с мелкими искрящимися вкраплениями. Завтра можно будет браться за следующий этап: замешивать цемянку, пробовать лепить плитки и искать способ их обжечь.

Тело ныло от усталости, руки дрожали, а в голове гудело от монотонного шума, будто там до сих пор крутились тяжёлые камни. Она тихо прошла в избу, стараясь не привлекать внимания, и на мгновение замерла в дверях, вдыхая тёплый запах сухих трав и ягод кизила, висящих под потолком.

Ратибор поднял на неё взгляд. Его глаза, обычно острые и внимательные, сейчас были мягкими, полными тихой заботы.

— Ты бледная, — заметил он. — Что-то случилось?

Анна заставила себя улыбнуться. Улыбка вышла слабой, но искренней — она не хотела его тревожить.

— Всё в порядке. Просто устала немного.

Она опустилась на лавку напротив него, стараясь не показывать, как болят мышцы. Каждый сустав словно наполнился свинцом, а кожа под кожаными обмотками горела.

Ратибор продолжал смотреть на неё. Он словно чувствовал, что она не открыла ему всю правду. Вот-вот спросит, чем она занималась весь день. А может, он уже знал — треск от перемалываемых черепков был довольно громким, и сквозь щели в стене проникал едкий запах кремниевой пыли.

И тогда Анна сделала то, что делали женщины во все времена: увела разговор в сторону, переключив внимание Ратибора.

— Сегодня утром я пыталась продать мыло, — начала она, глядя в пол. — Но всё без толку. Никто не даёт денег. Все хотят только на обмен.

Она вздохнула, провела ладонью по лицу, словно стирая следы усталости. В воздухе повисла пыль, поднятая её движениями, и на мгновение Анна показалась себе призраком — бледным, измученным, почти прозрачным.

— А мне не нужно лишнее. Продукты негде хранить — всё портится. Я даже платье купить не могу. Готовых нет. Только ткани. А я... — она запнулась, подбирая слова, — я никогда не шила руками. Максимум — пришивала пуговицы.

Ратибор слегка приподнял бровь, но промолчал. Пуговиц здесь ещё не знали, и её речь остались для него загадкой. Он лишь слегка наклонил голову, словно пытаясь понять, что скрывается за её словами.

— К тому же, — продолжила Анна, — ткани, которые дают на обмен, слишком грубые. А те, что мягкие и красивые, продают только за серебро.

Тишина повисла между ними, тяжёлая, как вечерний воздух перед грозой. В углу стрекотал сверчок, а за окном первые капли дождя ударили по крыше, будто отсчитывая секунды.

Наконец Ратибор нарушил молчание:

— С таким товаром тебе, хозяйка, прямая дорога к гречникам. У них в Царьграде чистоту любят, а за доброе мыло они не поскупятся — отсыплют серебра, на которое ты у них же и шелков купишь, и швею искусную наймёшь.

Анна задумалась. Мысль была здоровой. Греки, торговавшие на местном торге, всегда выглядели опрятно: их одежда блестела чистотой, волосы были аккуратно убраны, а от кожи исходил тонкий аромат благовоний.

— Ты прав, — кивнула она, и в её глазах загорелся огонёк решимости. — Завтра пойду к ним. Попробую договориться.

Ратибор улыбнулся — едва заметно, но тепло. В этой улыбке было что-то от прежнего воина: уверенность, знание, что мир не ограничивается стенами избы.

— Только осторожнее будь. Гречники хитрые и каждого пальца обвести хотят. Не верь их речам лстивым и взглядам.

— Хорошо, — кивнула она. — Я буду осторожна.

Анна встала, взяла убрус и отправилась к колодцу под шелковицей. Надо помыться и приготовить ужин...

Глава 21

Утром Анна собралась на торг. В доме ещё царил полумрак — тонкие лучи рассвета едва пробивались сквозь щели в ставнях, окрашивая беленые стены в бледно-розовый цвет. Воздух был прохладным, с лёгким запахом сушёных трав, висящих под потолком.

Анна привычно намотала убрус на голову, аккуратно убрав все пряди. В корзинку она бережно уложила куски мыла, завернутые в свежие листья лопуха и связанные лыком.

Оглянувшись, она увидела Ратибора. Он лежал на лавке и внимательно следил за ее сборами.

— Как вернусь, помогу тебе сесть, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — А пока лежи. Я постараюсь побыстрее.

Ратибор медленно кивнул, не сводя с неё внимательного взгляда. В его глазах читалась тревога, но он не стал удерживать её.

— Помни, что я тебе про купцов-гречников говорил, — произнёс он, понизив голос. — Осторожнее будь. Не верь речам льстивым. А если кто схватить попытается, бей своей деревяшкой прямо по подъёму стопы. Сломать не сломаешь, а взвоят грек знатно. А ты беги. Да не к страже — там люди воеводы, тебе помогать не станут. Найди старого Ермия на рыбных рядах, да скажи ему: «Тот, кто вынес тебя из огня под Корсунью, просит присмотреть за его долей». Запомнила?

Анна кивнула, повторяя про себя его слова, словно заклинание:

— Запомнила: бить по ноге и бежать на рыбные ряды к старому Ермию.

— Славно... Иди. И помни: лучше потерять товар, нежели жизнь.

Она задержала взгляд на нём ещё на мгновение, улыбнулась, а потом повернулась и вышла за порог.

Утренний воздух был свеж, напоён ароматами: печёного хлеба, горьковатой полыни и соли. Солнце только-только поднялось над плоскими крышами мазанок, и длинные тени лежали на узкой улочке, превращая её в узорчатую мозаику света и тьмы.

Анна шагнула вперёд. Её деревянные сандалии — лёгкие с плетеными кожаными перемычками — стучали по утрамбованной земле, издавая характерный, чуть щёлкающий звук. Люди невольно оборачивались, провожая ее взглядом. Кто-то перешёптывался, кто-то откровенно разглядывал, а один мальчишка даже побежал следом, пока мать не окликнула его.

Но Анна шла ровно, не опуская глаз. Она помнила слова Ратибора: «Люди боятся того, чего не понимают». И если они боятся — значит, она не должна показывать страха.

Сначала Анна заглянула к мастеру-древоделу, тому самому, что вырезал ей подошвы для обуви. Его лавка стояла на окраине торгового двора. Из приоткрытой двери доносился запах свежесрубленного дерева, стружки и рыбьего клея.

Мастер сидел у верстака, сосредоточенно стругая доску. Его широкие ладони крепко держали инструмент, а на предплечьях выступали жилы от напряжения. Услышав шаги, он поднял глаза — и на лице его появилась тёплая, искренняя улыбка.

— Ну, как получилась твоя задумка? — спросил он, отложив инструмент. В голосе его звучало неподдельное любопытство.

— А ты сам посмотри, — улыбнулась Анна и слегка выдвинула ногу вперёд, давая мастеру возможность полюбоваться и сандалией, и белоснежной женской ножкой, выглядывающей из-под подола.

Дражко прищурился, наклонился ближе, разглядывая обувь с почти детским восторгом.

— Лепо, — кивнул он наконец. — А позволишь поближе взглянуть?

Анна осторожно сняла сандалию и протянула ему.

Мастер взял обувь обеими руками, повертел, провёл пальцами по плетёным перемычкам, проверил узлы, которыми кожаные полоски крепились к подошве. Провел пальцем по кожаной заплатке на пятке. Его глаза загорелись интересом.

— Позволишь ли ты, хозяйюшка, мне и другим мастерам делать такие «деревянцы»? — спросил он наконец. — Уж больно ладно придумано. В нашем порту, где в распутицу грязь по щиколотку, люди за такое благодарить станут. Ногам сухо и вид справный.

Анна улыбнулась:

— Конечно, делайте. Чем больше людей будут носить — тем лучше.

Мастер благодарно кивнул:

— Спасибо, хозяйюшка. Мастер Дращко добро помнит. Если что — обращайся.

Глава 22

От мастерской Анна направилась к лавкам греческих купцов. Она не стала долго выбирать — зашла в первую же, где торговали тканями.

Внутри было прохладно и полутемно: плотный полотняный навес над входом почти не пропускал прямых солнечных лучей, лишь рассеянный свет пробивался сквозь ткань, создавая в лавке приглушённое, почти таинственное освещение. Воздух был напоён тонкими ароматами: благовоний, воска, старой древесины и — едва уловимо — морской соли, будто сам дух дальних странствий проник сюда сквозь щели в стенах.

Ткани лежали на чистых, отполированных до блеска столах, переливаясь на скудном свете: алые, как пламя, лазурные, словно глубокое море, золотистые, будто закатное солнце. Каждая складка играла цветом, каждый край мерцал, обещая роскошь и тепло. Рабы — двое юношей в простых льняных рубахах — аккуратно раскладывали рулоны, время от времени поднимая их, чтобы показать покупателям, и громко расхваливали товар:

— Шёлк из самого Царьграда! Нежнейший, как дыхание младенца!

— Полотно из Сирии — прочное, но лёгкое, в нём и в жару прохладно, и в холод тепло!

Под навесом сидел купец — полный мужчина с тёмными кудрями, завитыми в тугие кольца, и золотыми перстнями на пальцах. На шее у него поблескивала тяжёлая цепь с массивным крестом, а на поясе висел кошель, туго набитый серебром. Он попивал вино из серебряного кубка, лениво наблюдая за суетой, время от времени делая короткие указания рабам.

Увидев, что Анна, стуча деревянными подошвами, идёт прямо к нему, а не к прилавку с тканями, купец нахмурился и насторожился. Его глаза на мгновение сузились, а пальцы крепче сжали кубок. Он поставил его на крохотный столик с тихим звоном, поднялся, выпрямляясь во весь рост.

— Что тебе нужно? — спросил он резко, без приветствия, голос его звучал низко и властно.

Анна не дрогнула. Она знала: здесь уважают твёрдость, а слабость тут же привлечёт хищников.

— У меня есть мыло, — сказала она, доставая из корзинки кусок, завернутый в лист лопуха. — Не простое. Оно очищает кожу, оставляет аромат и не сушит.

Купец прищурился, взял кусок, развязал лыковый узел, развернул, понюхал. Его брови слегка приподнялись, но лицо осталось непроницаемым.

— Откуда такое?

— Сама варю, — просто ответила Анна. — Пробуйте. Если понравится, договоримся о цене.

Он повертел мыло в руках, потрогал, снова понюхал, затем кивнул рабу:

— Принеси воды.

Раб тут же принёс таз и кувшин с прохладной водой. Купец намочил руки, намылил их, смыл. Лицо его изменилось, кожа стала мягче, а в воздухе остался лёгкий терпкий аромат степной полыни, тонкий, но стойкий.

— Неплохо, — признал он, но в голосе не было теплоты. — Но почему не несёшь на общий торг? Зачем ко мне?

— Потому что вы цените чистоту, — ответила Анна, глядя ему прямо в глаза. — И знаете, что хорошее мыло — это не роскошь.

Купец усмехнулся, окинул её оценивающим взглядом, потом вдруг сменил тон на вкрадчивый, почти ласковый:

— Знаешь, девица, у меня для тебя предложение получше. Ты оставишь мне весь свой товар — а я дам тебе кусок дорогой ткани. Видишь, вон тот лазурный шёлк? Такой у вас тут не сыщешь. Будешь самой нарядной на всю округу.

Анна еле сдержала улыбку. Так вот в чём его замысел — получить редкое мыло даром, заманив дешёвым блеском.

— Благодарю за предложение, — ровно ответила она, — но я ищу серебро. Мой товар стоит ногата за два колобка.

Купец резко сменил выражение лица, брови сошлись, губы сжались в узкую линию, а в глазах вспыхнул холодный огонь.

— Ногата за два? Ты в своём уме? — голос его зазвучал жёстче, словно скрежет металла по камню. — За такую цену у меня и льняные полотна не берут! Ты что, думаешь, я не вижу, что ты чужеземка? А вдруг мыло твоё — отравы? Вдруг ты колдунья?

Он сделал шаг вперёд, нависая над ней, и Анна почувствовала, как воздух вокруг сгустился, стал тяжёлым от угрозы.

— Либо отдаёшь весь товар за шёлк, либо ничего не получишь. Здесь мои правила, а не твои.

Анна не отступила. Взгляд её остался твёрдым, а спина — прямой. Она знала: сейчас нельзя дрогнуть.

— Если вы считаете, что моё мыло — отравы, зачем пробовали его? — спокойно спросила она. — А если оно вам нужно, мы договоримся по-честному. Ногата за два колобка. Это справедливая цена.

Купец побагровел. Его пальцы сжались в кулаки, а на шее вздулась вена.

— Справедливая? Ты смеешь говорить мне о справедливости?! — он ударил кулаком по прилавку, и посуда на нём задребезжала. — Ты никто здесь! Я могу забрать твой товар силой, и никто за тебя не вступится!

— Можешь, — тихо сказала Анна. — Я спорить не стану, и к страже не пойду. Только и тебе тогда жизни спокойной больше не будет. Торговать с оглядкой станешь, красного петуха бояться.

— Красного петуха? — не понял купец, нахмурившись. — Какого ещё петуха?!

— Того, что на конце факела живёт, — ответила она, складывая мыло в корзинку. Голос её звучал ровно, но в нём чувствовалась сталь.

В лавке повисла тяжёлая тишина. Рабы замерли, перестав раскладывать ткани, и даже уличный гомон на мгновение стих, будто мир затаил дыхание. Купец побледнел, растерянно захлопал глазами, а потом вдруг рассмеялся — резко, неестественно, словно через силу.

— Хмм... Смелая, да? — он провёл рукой по лицу, будто смывая гнев, и выдохнул. — Ладно. Ногата за два. Но только сегодня. И только потому, что ты... забавная.

Анна кивнула, не показывая облегчения:

— Договорились. Сварю ещё — принесу к вам. Но только по этой цене.

Купец недовольно цыкнул, но достал из пояса кошель и отсчитал серебро. Монеты звенели, падая на ладонь Анны, холодные и тяжёлые. Она завязала из в узелок и убрала за пазуху. Дома закопает. Светить такое богатство на торгу — глупо.

Выходя из лавки, Анна огляделась. Солнце поднималось выше, заливая торг золотым светом. Люди спешили, торговались, смеялись, кричали — жизнь шла своим чередом. Она вдохнула полной грудью: воздух пах хлебом, рыбой, дымом и надеждой.

Пора было купить продукты к обеду, для этого Анна оставила пару колобков, рассудив что на обмен оно привычнее. Отсутствие холодильника с каждым днём напрягало всё больше — нужно было продумывать, что и как хранить, чтобы еда не испортилась до вечера. Анна поправила корзинку на руке и направилась вглубь торгового двора, где уже дымились жаровни и разносился аромат свежей выпечки.

Глава 23

Домой Анна возвращалась довольная. В корзинке лежали две небольшие рыбины и комок обрезков жира — как раз для следующей партии мыла. У нее ещё оставалось немного щёлока и топлёного жира с прошлого раза, хватит, чтобы заполнить большой горшок.

Удачная продажа мыльных колобков окрыляла. Анна на ходу подсчитывала будущие барыши. По всему выходило, что без особого напряжения можно зарабатывать по шесть ногат с каждой партии. А значит, очень скоро всё изменится. Будут деньги — не придётся тратить время на тяжёлую работу, можно будет нанять помощников. И с покупками станет проще: не нужно будет бегать по торгу в поисках рыбака или мясника, которому нужно мыло. Деньги-то всем нужны.

Она легко бежала по узким улочкам — мимо старых мазанок с соломенными крышами, плетёных изгородей, куч свежескошенной травы. Деревянные подошвы сандалий стучали по утрамбованной земле, отбивая бодрый радостный ритм. Анна даже не заметила, что один из рабов греческого купца осторожно идёт за ней, держась в тени домов и ловко скрываясь за углами.

Зато она увидела Ратибора. Он стоял прямо у калитки, навалившись здоровым плечом на замшелый столб. В опущенной руке сжимал тяжелое топориче, а кожаный чехол на лезвии едва скрывал хищный блеск стали. Его взгляд, сухой и колючий, прошивал воздух за ее спиной. Анне захотелось повернуться, чтобы узнать, куда направлен взгляд воина.

Но тут она разглядела, как Ратибор держится из последних сил: незаметно прижимаясь спиной к столбику калитки, едва удерживая равновесие.

— Что ты здесь делаешь?! — воскликнула она, кидаясь к нему. Выронив корзинку у ворот, подхватила его под руку, помогая удержаться на ногах. — Зачем встал? Я же сказала: приду — помогу встать.

— Тебя долго не было, — выдохнул он. — Беспокоиться начал.

— Да ещё и со двора вышел, — продолжила выговаривать она, одновременно помогая Ратибору вернуться в дом. — Да ещё и с топором...

И вдруг осеклась. В горле мгновенно пересохло. В памяти вспыхнуло: как странно купец взглянул на своего раба, когда она уходила. Анна заметила тот напряжённый взгляд краем глаза, но не придавала значения.

— За мной следили?! — выдохнула она.

— Гречникам верить — в яму себя загнать, — проворчал Ратибор, наваливаясь всем весом на ее плечо. — Раб их за тобой до самого поворота лисой вился. Увидел меня, замер, как вкопанный, а потом назад дунул, только пятки засверкали.

Анна помогла Ратибору добраться до лавки и сесть. Лежать он отказался наотрез. Потом сбегала за корзинкой, которая так и валялась у ворот.

Выглянула на улицу с опаской. Показалось, будто там кто-то есть... Хотя за всё время, что прожила здесь, Анна не видела даже соседей. Только изредка замечала, как мимо проходили бесшумные, словно бесплотные тени, люди, старательно отворачивая лица от двора Ратибора.

Но на тропинке между соседними оградами никого не было. Скорее всего, раб сбежал, увидев, что она подошла к вооружённому воину.

Рыба и жир выпали из корзинки и извалялись в дорожной пыли. Прежде чем занести покупки в дом, Анна ополоснула их у колодца.

— Я рыбу купила, — улыбнулась она Ратибору. — Сейчас запекать в глине... И жир... Надо ещё мыло варить.

— Продала? — бровь Ратибора дёрнулась.

— Да, — она радостно рассмеялась. Достала узелок, присела на лавку рядом с ним и выложила четыре новенькие серебряные ногаты. — Купец сказал, что ещё возьмёт.

Она была горда своим успехом и не сразу заметила, как помрачнел Ратибор.

— Послушай, Анна, — он впервые назвал её по имени. Она даже немного удивилась — думала, он забыл... Ведь тогда он был так плох. — Ты мне веришь?

Она кивнула.

И тогда Ратибор продолжил:

— Ты принесла не просто серебро, ты принесла повод для зависти. В Тмутаракани за одну ногату перережут глотку, а за четыре сожгут избу. Чтобы тебя не тронули, придётся стать нужной. Не мне, а тем, кто в городе имеет вес.

Анна выслушала его внимательно и кивнула. Может, это и прошлое, но порядки во все времена похожие. Хочешь разбогатеть — будь готов платить тому, кто охранит тебя и твоё богатство.

А Ратибор тем временем подвинул одну ногату в сторону:

— Эту отнеси в храм и отдай игумену Никону на масло для лампад. Скажи: «От жены, что идёт заступничества Богородицы». Тогда Никон против тебя ни слова не скажет, а коли кто хулу возводить начнёт, так на твою сторону встанет.

Он перевёл дух и подвинул пальцем вторую монету:

— Вторую отнеси в рыбные ряды старому Ермию... Говорил я тебе об нём. Скажи ему, что Порей помнит Корсунь и просит приглядеть за своей долей в этом городе. Ермий поймёт. И с того часа будет у тебя в порту сто глаз и сто рук. Если кто из купцов опять за тобой соглядатая отправит, Ермий об том узнает прежде, чем человек тот дойдёт до конца улицы. И меры примет.

— Хорошо, — кивнула Анна. — Прямо сейчас отнести?

Ратибор взглянул на неё с невесёлой улыбкой и покачал головой:

— Завтра... Гречаник ничего пока делать не станет. Побойтсся. Видел раб его меня. Но завтра утром уже будет знать, что силы во мне прежней нет...

— А остальное? Закопать?

Ратибор улыбнулся. И в этот раз улыбка его была тёплой и лёгкой:

— Эту закопай... Можешь в мой горшок положить, знаешь где. И брать, когда и сколько нужно. Главное, без нужды монеты не светить и с умом тратить. Можешь в другом горшке, ежели хочешь свой схрон иметь.

— А эту? — Анна тронула последнюю монету.

— А эту носи Ермию, скажи, чтоб на резанки тебе сменял. И купи себе отрез на платье новое, убрус и бусы какие, пряников медовых, орехов калёных и другого, чего душа твоя пожелает... За труд радовать надо себя, хозяйюшка...

Анна грустно рассмеялась:

— Ты даже не представляешь, насколько другого душа моя желает, Ратибор... — Она вздохнула и призналась: — По дому скучаю я...

— Так возвернись... — ответил он. И почудилось Анне, будто слово это через силу он произнёс. Будто на самом деле другое сказать хотел.

— Не могу, — мотнула она головой. — Далеко отсюда мой дом. Так далеко, что и всей жизни не хватит, чтоб добраться.

Она отвернулась, чтобы он не увидел слёзы на её глазах. А Ратибор тяжело вздохнул, обнял здоровой рукой и прижал к себе.

Глава 24

Хлопоты не заканчивались. После обеда Анна снова взялась за изготовление цемянки. Пропорции, в которых следовало смешивать керамический песок, кварцевый песок и гашёную известь, она не знала, но решила: для начала попробует сделать смесь в равных долях.

Смешала по ковшу всего, добавила воды, чтобы смочить песок, и начала мешать. Сначала ничего не происходило, а потом Анна почувствовала, что смесь меняется — превращается в тягучую, вязкую массу с влажным маслянистым блеском. С каждой минутой она становилась плотнее и плотнее. Брызги летели во стороны, застывая розовато-серыми пятнами на земле, на подоле, руках и даже лице... Она чувствовала из прохладное касание на своих щеках, еще не зная, что через час известь начнет немилосердно сушить и стягивать кожу.

И тут Анна поняла свою ошибку. Она так увлеклась процессом изготовления цемянки, что совсем не подумала, что будет делать дальше. Не позаботилась о формах, в которые выльет плиточную смесь.

Перед глазами встали квадратные деревянные ящички — такие мог бы вырезать Дражко, если бы она попросила заранее. Но сейчас уже поздно. Пока она добежит до мастера-древодела, цемянка загустеет настолько, что превратится в камень.

Надо было придумать что-то быстрое и простое. Анна обвела взглядом двор. Сердце колотилось: раствор в горшке на глазах терял подвижность, становясь тяжелым, как мокрый песок. Взгляд зацепился за конюшню. Точно! Там полно старой ветоши — можно положить на землю и использовать вместо дна формы.

Она рванула к конюшне, на бегу размышляя, из чего сделать борта. Прутья? Листья? Камни? Всё, что попадалось на глаза, совершенно не годилось. Анна смотрела по сторонам и совсем забыла про невысокий глиняный порожек, отделявший внутреннее пространство от внешнего. Споткнулась — и рухнула на землю, не удержав равновесия.

Зато решение было найдено.

Глина! Можно слепить бортики из глины — той самой, которую Анна накопила в раскопе и залила водой, чтобы размокла перед ремонтом пола. Прошло много дней, но, может быть, глина ещё не застыла и поддаётся лепке?

Повезло. Куча, которую она старательно поливала водой, всё ещё оставалась влажной, хотя заметно подсохла. Ковырять осевшую массу пришлось старым деревянным колышком, но глина поддалась. Она все еще была жирной и пластичной. Анна быстро скатала первую пробную «колбаску». Та не треснула. Решение было найдено.

Анна разложила полотно на ровной поверхности земли под шелковицей. Вспомнила, как отец, заливая бетонную дорожку на даче, накрывал участок куском шифера, чтобы солнце не высушило поверхность до того, как бетон наберёт крепость.

Положила колбаски, ограничивая небольшие, длиной с ладонь, квадратные плитки. Притащила загустевшую смесь, плюхнула её в форму и принялась выстукивать палкой, загоня массу в углы и избавляя от возможных пустот. Чем плотнее ляжет цемянка, тем крепче получится плиточка.

Всего у Анны получилось восемь терракотово-розовых плиток. Она накрыла их лопухами, придавив края листьев камушками, и пошла отмывать руки от глины. Пальцы липкие, в трещинах и складках кожи застряли серые комочки — пришлось долго скоблить их деревянной щепкой, а потом ополаскивать в колодезной воде.

И тут вспомнила. Ратибор вышел к калитке босой... Надо бы ему тоже «деревянцы» сделать — но на торг ему ещё рано.

Зато у Анны есть глина. Очень много отличной глины, из которой можно сделать слепок ступни Ратибора. Подсушить его на солнце и отнести Дражко.

Анна вернулась в избу. Ратибор сидел на лавке, задумчиво глядя в потолок. На его лице играли тени от ставен — узкие полосы света и тьмы, будто природа сама пыталась прочесть его мысли.

— Ратибор, — начала она, стараясь говорить бодро, — у меня к тебе дело. Поможешь?

— Какое ещё дело? — он повернул голову, слегка приподняв бровь. В его глазах мелькнуло любопытство, но голос оставался сдержанным.

— Нужно сделать след твоей ступни. В глине.

Ратибор нахмурился:

— След? Для чего?

— Чтобы Дразко смог сделать тебе деревянцы, как у меня.

— Сандалии? — он усмехнулся. — Я воин. У меня есть сапоги...

— Но ты же не всегда в походе, — мягко возразила Анна. — Дома удобнее ходить в чём-то лёгком.

— У меня есть поршни...

— В поршнях ноги мокнут и преют.

Ратибор помолчал, потом кивнул:

— Ладно. Что делать?

Анна принесла кусок плотной ткани, расстелила на полу, сверху положила влажный глиняный блин и пригладила поверхность. Чтобы ступни Ратибора не прильнули к глине, припудрила поверхность сухой глиной — та легла тонким серым налётом, почти незаметным, но достаточным, чтобы избежать липкости.

— Стань сюда. Обеими ногами. И надави как можно сильнее, чтобы остался чёткий отпечаток.

Ратибор послушно наступил на глиняную плюшку. Анна внимательно следила, как его ступни вдавливаются в мягкую массу. Подмечала, как напрягаются мышцы на икрах, как пальцы слегка сгибаются, приспосабливаясь к непривычной поверхности.

— Ещё чуть глубже... Вот так. Отлично!

Она осторожно вынула его ноги, осмотрела оттиски. Линии были чёткими, глубина — равномерной. Даже мелкие складки кожи отпечатались, будто сама природа оставила свой автограф.

— Хорошо получилось. Теперь надо подсушить на солнце, а завтра отнесу Дразко. Он сделает по этим следам обувь — точно по твоей ноге.

Ратибор посмотрел на глиняные отпечатки, потом на Анну. И кивнул.

— Неси... Посмотрим, что из этого выйдет.

Глава 25

Анна поднялась с рассветом. Дел на сегодня было запланировано слишком много, чтобы валяться на жёсткой лавке, наслаждаясь покоем, тишиной и утренней свежестью. К тому же ей не терпелось посмотреть, что получилось из вчерашнего замеса. Вдруг все её труды пошли даром?

Ратибор спал. Вчерашняя короткая прогулка не вызвала жара, но принесла сильную усталость — по лицу воина было видно, как нелегко ему дался этот выход.

Анна на цыпочках вышла из дома. Первым делом проверила плитки. Присела на корточки перед разложенной тканью и откинула съёжившиеся, подсохшие листья лопуха.

Плитки, разложенные на земле, за ночь преобразились. Вчерашняя рыхлая масса стала матовой и плотной. Цвет из ярко-розового сделался нежно-пастельным, коралловым. Анна осторожно коснулась края: поверхность была сухой и чуть тёплой, но внутри ещё чувствовалась сырая тяжесть.

«Рано, — подумала она. — Если их сейчас тронуть, сломаются, пойдут трещинами. И весь труд — псу под хвост».

Надо подождать ещё пару дней для верности.

А пока — пора собираться на торг. Анна взяла корзинку, сунула узелок с тремя монетами за пазуху. Четвёртую она ещё вчера закопала в пустом горшке — решила, что должна создать свой схрон. Так ей было спокойнее. Но от Ратибора не прятала: он видел, где её ногата спрятана. Это было честно.

Первым делом Анна решила зайти в храм и отдать пожертвование игумену. Потому что это по пути. И потому что ей было страшно.

Она помнила его взгляд и скрюченный палец, которым священник тыкал в неё, говоря что-то про то, что будет следить. И боялась: если пройдёт мимо храма, потом уже туда не вернётся.

Белизна стен церкви Богородицы вблизи оказалась обманчивой. У самого фундамента побелка пошла серыми пятнами от сырости, а чуть выше, у дверного проёма, штукатурка отвалилась целым пластом, обнажая нарядную, полосатую кладку из тонкой плинфы и розового, как утренняя заря, раствора.

Ворота — массивные створки из мореного дуба, обитые кованым железом — были призывно распахнуты. Над дверями располагалась арочная ниша, где пряталась небольшая фреска: женщина, по всей видимости Дева Мария, держит перед собой щит с ликом Младенца Христа.

К входу вели широкие шербатые ступени из белого известняка. У подножия каменных ступеней её встретила глухая стена запахов: кислого пота, немытой шерсти и гниющих повязок, приправленная едкой морской солью.

Нищие облепили вход, как серые тени: здесь были и калеки-дружинники с пустыми рукавами, и слепцы в засаленных скуфьях, выставившие перед собой деревянные плашки. Десятки рук — костлявых, изъеденных язвами и грязью — потянулись к её подолу, а над площадью звлился нестройный гвалт молений, больше похожий на голодный лай.

Анна невольно затаила дыхание, стараясь не смотреть в воспалённые глаза, и крепче сжала в кулаке пустую корзинку. Она уже видела впереди спасительный полумрак храма, как вдруг путь ей преградил человек в тёмно-коричневой длиннополой хламиде, подпоясанной суровой верёвкой.

Он возник на пороге внезапно, словно вырос из каменных плит. Его глаза, глубоко посаженные и цепкие, на мгновение прищурились, изучая «дерзкую» женщину, а затем он, не произнеся ни слова, вскинул руку с тяжёлым дубовым молотом.

Б-бах!

Удар обрушился на висящую над притвором доску прямо над головой Анны. Звук был таким плотным и резким, что её буквально отшатило назад. Вибрация прошла сквозь зубы и отозвалась в самом солнечном сплетении.

Пока она хватала ртом воздух, парамонарь нанёс второй удар — медленный и торжественный, официально открывая время для молитвы. Нищие за её спиной мгновенно притихли, а мужчина, коротко кивнув внутрь храма, отступил в тень, освобождая проход.

Анна вошла в тёмное, гулкое помещение. Ей приходилось бывать в церквях там, в своём времени, и больше всего её поразил контраст.

Здесь не было нарочитой, ослепляющей роскоши, к которой привык глаз человека XXI века.

Вместо золочёного глянца её встретили шершавый камень и матовая поверхность древней плинфы. Здесь не было ощущения, что церковь — это богатая корпорация, возвышающаяся над толпой. Напротив, всё вокруг казалось монументальным, но доступным, словно этот храм был не дворцом для Бога, а Его крепостью, суровой и надёжной, готовой спасти всех, кому нужна защита.

Священнослужители здесь не казались недостижимыми небожителями в парче. В этом полумраке, среди запаха воска и сырой земли, Анна почувствовала нечто забытое: архаичную простоту. Здесь Бог был ближе к человеку — не через блеск золота, а через тяжесть камня и искренность грубого письма на иконах.

И это отозвалось в ней, что-то дрогнуло внутри, заставив судорожно вздохнуть от близости чего-то особенного, возвышенного и недоступного. Если Бог и существует, то именно в таких храмах, как этот.

Рука сама взметнулась вверх, чтобы перекреститься. Неумело, криво и, скорее всего, неправильно...

— Не мучай руку, дочь моя, — тихо произнёс тот самый старик, что приходил во двор к Ратибору, и в его голосе не было строгости, лишь глубокое, пронизательное спокойствие. — Вижу, что сердце твоё рвётся к Заступнице быстрее, чем персты привыкли складываться в знак креста.

Он стоял чуть в стороне, прячась в тени колонны и смотрел на нее. А потом подошел, аккуратно сложил её пальцы в двоеперстие — указательный и средний вместе, символ двойственной природы Христа — и помог ей коснуться чела.

— Вера в тебе, как молодая лоза: сил много, а опоры пока нет. Но то дело поправимое. Ты пришла к Ней, — он кивнул на суровый лик Богородицы, — а Она не по рукам судит, а по нужде, с которой человек порог переступил. Стой прямо, не бойся. Я научу тебя и слову, и жесту, коль душа твоя того просит.

— Спасибо, — смущённо пробормотала Анна.

Никон едва заметно улыбнулся в бороду и ответил:

— И тебя спаси Господь. Доброе слово — лучший притвор для молитвы. А сейчас останься, дочь моя, — тихо сказал он, отступая в тень. — Послушай, посмотри, как свет борется с тьмой. Спешка — от лукавого, а Заступница любит тишину.

Анна осталась. Она стояла всю службу, впитывая гулкое пение и запах плавящегося жира, а её взгляд то и дело возвращался к розовым швам на стенах и трещинам в штукатурке.

Когда последний прихожанин покинул притвор, она подошла к игумену. Рука её больше не дрожала. Она протянула ему ногу, и в тишине пустого храма блеск серебра показался Анне особенно ярким.

— На нужды храма. Заступничества прошу у Богородицы...

Глава 26

Анна вышла на свет и с удивлением огляделась. Ей казалось, что служба продолжалась не больше получаса, но утро уже было в самом разгаре — обычно в это время она уже возвращалась домой. Народу на торгу было — не протолкнуться. Следовало поспешить: защита от шпионов греческого купца им с Ратибором нужна сейчас, а не завтра.

Анна почти бежала. Запах рыбы — резкий, бьющий в нос — вёл её лучше любого указателя. Она знала: если опоздает, Ермий уйдёт в свои портовые кабаки или на перевалку грузов, и тогда ищи ветра в поле.

На рядах уже вовсю шло потрошение: ножи так и мелькали в руках рыбаков, отделяя головы и хвосты для вечерней ухи. Анна спросила, как найти старого Ермия, у рыбака, убиравшего пустые корзины. Тот ткнул пальцем на седого, жилистого мужика, который стоял в самом центре этого хаоса, опираясь на бочку. На его кожаном фартуке подсыхала чешуя, блестя на солнце, как кольчуга.

— Доброго дня, Ермий, — подошла к нему Анна и невольно склонила голову: таким крепким и тяжёлым был взгляд старого воина. — Порей просил сказать, что помнит про Корсунь и просит приглядеть за его долей в этом городе...

Ермий только шевельнул бровями, но Анна поняла: просьба Ратибора не вызвала в старике никакого энтузиазма. Торопливо достала ногату и протянула ему тяжёлую монету:

— Просил передать: не как милость просит, а как за работу платит. Ибо соглядатаи купцов греческих у нашего дома уже тереться начали. Вынюхивают, не пора ли добро чужое к рукам прибрать.

Ермий на миг замер.

— За работу, значит? — усмехнулся он.

Он нарочито медленно протянул руку к Анне и сколупнул монету с её ладони, обдав запахом свежей рыбы и моря. Блеск ногаты в утреннем солнце заставил его прищуриться. Он посмотрел на монету, потом — на Анну, и в его взгляде впервые появилось подобие уважения.

Повертел в руках, разглядывая со всех сторон. Прикусил, пробуя на зуб. Подкинул и ловко поймал, покачав ладонью, чтобы определить вес серебра. И спрятал плату в поясной кошель.

— Что ж, работа — дело честное. Пусть греки носы свои придержат. Скажи Порей: пока Ермий на причале, никто к вашему порогу без спроса не сунется.

— Благодарствую, — снова поклонилась Анна.

Сделала шаг назад, отступая. И тут же вернулась — совсем забыла. Слишком уж строг оказался старый вояка.

— Дядька Ермий, — выпалила она, не заметив, как само собой изменилось обращение, — мне бы ещё одну ногату разменять... Хочу на торгу погулять, а показывать монету не хочу... Порей сказал, ты помочь можешь.

В глазах Ермия мелькнула усмешка, и взгляд даже как будто смягчился.

— Чего ж не разменять-то? — кивнул он. — Давай разменяю... Истину говоришь: с такой монетой на торгу бабе одной гулять не с руки.

Анна вытащила последнюю ногату и протянула воину. С ней он проделал то же самое, что и с первой. И только тогда убрал в кошель, достав горсть мелких монет, отсчитал пять половинок и протянул ей:

— Держи, «племянница». — Анна, сообразив, что назвала его дядькой, то есть родственником, покраснела, отчего усмешка на лице старого Ермия стала ещё шире и заметнее. — Пять резан за твою ногату. Монеты честные, не литые, сам вчера у греков в порту принял. С ними

тебе на торгу сподручнее будет. И спрячь как следует. Тмутаракань — город вороватый. Тут у стен уши есть, а у пальцев привычка к чужому добру.

— Благодарствую, — поклонилась Анна, приняв монеты, завернула их в тряпицу и спрятала за пазуху.

Она снова отошла на два шага, когда услышала позади себя:

— Постой-ка...

Обернулась. Ермий покинул свой пост у дубовой бочки и подошёл к ней.

— Тебя как звать-то?

Анна на миг замялась. Её впервые за всё время спрашивали про имя. Она порадовалась, что они с Ратибором подготовились к таким вопросам.

— Всей кличут, — ответила, чувствуя некоторую неловкость: не привыкла ещё к новому имени.

— Красивое имя, — кивнул Ермий. — Ты, видно, не из наших краёв. Откуда взялась-то в Тмутаракани?

— Издалека я, — кивнула Анна. — Отстала от своих, заплутала в степи. А Порей меня нашёл и привёз в Тмутаракань...

— Слышал я другое, — усмехнулся Ермий, — будто девка-чужестранка мёртвого Порей в Тмутаракань привезла да оживила. Говорят, грехи его чёрные дымом вонючим выходят... А надясь на торг приходил. Так все видели, как зло душу его терзает, рожу кривит так, что от одного взгляда сомлеть можно.

Анна плечами пожала — мол, было или не было... — и ответила:

— Не знаю, дядька Ермий, что люди болтают. Ранен был Порей, правда то. А про остальное не ведаю. Не видела такого.

Ермий кивнул. Анне показалось, что слова её понравились старому вояке.

— А ты, Вея, кем ему теперича будешь? — прищурился он.

Анна на миг замерла, не зная, что ответить. А потом коснулась кончиками пальцев убруса на голове и коротко, немного резко сказала:

— Жена...

Она ждала чего угодно, но только не того, что старый вояка довольно рассмеётся:

— Выходит, не только в бою удача за Пореем ходит. Уж такую девку женой назвал, которую самому князю невесткой назвать не грешно. — Анна не совсем поняла, о чём он, и растерянно захлопала глазами. А Ермий продолжал: — Скажи-ка, хозяйшюка, что за обувка у тебя на ногах? Уж больно руки мастера, что её сладил, знакомы. Дражко делал?

— Дражко, — кивнула Анна и улыбнулась. Говорить о мастерах гораздо безопаснее, чем о ней самой. Потом ответила с готовностью: — Деревянцы сандалии эти зовутся. Если хочешь, Дражко и тебе смастерит подошву. Только надо след ему отнести...

— Какой ещё след? — нахмурился Ермий.

А Анна уже вытащила из корзинки слепки ступней Ратибора и пояснила:

— На мягкую глину ступить — и одной, и второй ногой надо, чтобы отпечатки оставить. А потом Дражко по этим отпечаткам подошву сладит. Только у каждого своя подошва должна быть, по своему следу сделанная. Иначе ноги собьёшь.

— А это чьи следы? — кивнул задумчиво Ермий.

— Порей, — улыбнулась Анна. — Хочу и ему сандалии сделать. А то в поршнях ноги мокнут и преют...

Ермий нахмурился, помолчал, словно о чём-то раздумывая. А потом кивнул:

— Добро... Скажи Дражко, что Ермий со своими на днях придёт за подошвами... Пусть не обещается никому, заказ большой будет...

— Хорошо, скажу, — рассмеялась Анна.

Глава 27

До Дразко Анна добежала быстро. Мастер сидел за прилавком и что-то строгал, рассыпая вокруг себя тонкую деревянную стружку. В воздухе пахло деревом и олифой — терпким, смолистым ароматом свежей древесины, смешанным с мягким запахом прокипячённого льняного масла. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь узкое окошко, подсвечивали витающую в воздухе пыльцу, превращая её в золотистую взвесь.

На верстаке лежали заготовки: неровные доски, обрубки, стружки, аккуратно сложенные стопки кожи разной толщины. В углу притулился старый сундучок с инструментами — из него торчали рукоятки резцов, молотки, свёрла. Всё было разложено с педантичной тщательностью человека, привыкшего к кропотливой работе.

Дразко поймал её взгляд и улыбнулся — в уголках его глаз собрались лучики морщинок, а на смуглом лице проступила тёплая, почти отеческая усмешка:

— Вчерась хозяйке своей деревянцы сладил, так теперь малая изнылась. Тоже, говорит, хочу...

Анна улыбнулась в ответ — ей понравилось, как просто и по-домашнему звучит его речь:

— И правильно. Чем больше народу будут в обуви ходить, тем лучше. А ты, Дразко, сделай-ка мне деревянцы вот по этим меркам.

Она вытащила высохшие на солнце слепки ступней Ратибора и положила на верстак. Глиняные оттиски, ещё недавно мягкие и податливые, теперь стали твёрдыми, сохранив чёткие контуры свода стопы, углубления пятки, рельеф пальцев.

Дразко хватило одного взгляда, чтобы разобраться, что к чему. Он осторожно взял слепок и тщательно осмотрел его со всех сторон — провёл пальцем по краю, примерил к ладони, словно взвешивая невидимую тяжесть:

— Неужто хозяину своему решила обутку сладить?

— Ему, — кивнула Анна. — Возьмёшься?

— Дак на кой ему деревянцы-то? — Дразко смотрел удивлённо, приподняв густые брови. — Чай не баба... Воин поди... Вон следы какие, тяжёлые...

— Воин, — подтвердила Анна. — Только и воин на торг босой ходит, чтобы сапоги не бить. А в деревянцах ему удобнее будет. И дома, и на торгу.

Дразко задумчиво провёл пальцем по краю глиняного оттиска, прикидывая размеры и форму. Потом поднялся, подошёл к полкам с заготовками и начал перебирать доски — брал одну, постукивал костяшками пальцев, прислушивался к звуку, откладывал, брал другую. В его движениях чувствовалась многолетняя привычка: он не просто выбирал дерево — он слушал его.

— Оляха не подойдёт, — наконец произнёс он, вернувшись к верстаку. — Мягкая слишком, быстро сотрётся под такой ногой. Липа тоже не годится — мнётся. А вот дуб... Дуб — дело другое. Крепкий, долговечный. Но и работать с ним непросто: дерево тяжёлое, неподатливое. Потому и цена за готовые подошвы выйдет высокой — ногата.

Анна побледнела. Одна ногата — это всё, что у неё есть. Она невольно сжала пальцы, будто пытаясь удержать ускользающую монету.

Но Дразко, заметив её замешательство, усмехнулся и добавил:

— Однако ж, у меня к тебе, хозяйюшка, предложение имеется. Надесь подарила ты мне секрет деревянцев, так теперича девки мои довольны... А там глядишь и другие бабы таки же захотят. Стало быть, и у меня заказы будут, и платить станут честно. Стало быть, по милости твоей богатство в мои руки придёт. А потому сделаю я тебе в дар подошвы для хозяина твоего.

— И не только бабы, — улыбнулась Анна. — Старый Ермий с рыбных рядов просил передать, чтоб ты другую работой время не занимал, на днях придёт он к тебе с крупным заказом.

Дражко удивлённо вздёрнул брови и захохотал — громко, от души:

— Да, тут, похоже, не ты мне платить должна, а я тебе... Ермий-то, чай, не простой человек. Ежели ему деревянцы твои по нраву пришлись, стало быть, пора инструменты готовить и с другими мастерами секретом делиться.

Анна почувствовала, как внутри разливается тепло. Она рассмеялась:

— Не надо платить Я и не сделала ничего.

Дражко на миг задумался, потёр подбородок, дергая себя за короткую неровно стриженую бородку.

— Добро. Но тогда я сам кожу куплю и хозяину твоему перемёты на деревянцах справлю. Твои косицы красивы, однако ж для мужика дюже слабые. Шаг не сделает, как порвутся. А у меня как раз кусок крепкой воловьей кожи имеется.

— Благодарствую, Дражко, — искренне произнесла Анна.

— Да бог с тобой, — усмехнулся мастер. — А ты, хозяйюшка, знай: ежели случится что, Дражко завсегда поможет тебе, чем сможет.

Он снова взялся за нож, ловко подцепил стружку с доски, и в воздухе вновь поплыл свежий, бодрящий запах дерева.

Выйдя из мастерской, Анна направилась вглубь торгова. Ей нужно было пополнить запасы — и заодно присмотреть кое-что для себя.

Первым делом она зашла к торговке тканями. Глаза разбежались: яркие платки с затейливым узором, пестрые ленты, тонкие полотна, вышитые шёлком. Но Анна не стала долго выбирать — взяла простой убрус, точно такой же, какой был у неё раньше: без орнаментов, однотонный, скромный. Она опасалась, что узоры могут что-то значить, Кирилл говорил, что раньше по вышивке на рубахе можно было прочесть судьбу человека, который её носил. И вдруг, купив покрасивее, она попадет впросак?

Затем она отыскала лавку с тканями. Долго перебирала отрезы, проверяя мягкость, плотность, ровность нитей. Наконец выбрала кусок хорошего, тонко выбеленного льна — достаточно, чтобы сшить себе платье.

Убрус и отрез Анна связала вместе и закинула за плечи — не нести же их в корзине среди рыбы, репы, сыра, курта и муки.

Она уже закончила покупки и шла домой, когда заметила на прилавке одного из греческих купцов то, что заставило её замереть на месте.. Её сердце дрогнуло от радости: там, среди круп, муки и отрубей, стоял раскрытый мешок с гречкой.

Анна едва сдержала улыбку, наконец-то она сможет приготовить настоящую кашу, такую, как привыкла. Она быстро договорилась о цене, добавила крупу в корзину и, довольная, направилась домой, чувствуя, что день выдался на редкость удачным.

Глава 28

Из-за утренней службы Анна вернулась домой гораздо позже обычного. Желудок сводило от голода — казалось, будто внутри стянули тугой узел. В мазанке пахло остывшим пеплом и сухой травой. Она глубоко вдохнула, пытаясь унять головокружение, и принялась собирать нехитрый завтрак: вчерашняя рыба, запечённая в глине, чёрствая лепёшка, кусок сыра. Всё как всегда.

Но сегодня привычный порядок нарушил резкий, сладковато-гнилостный запах. Стоило вскрыть глиняный кокон, как по комнате поплыла вонь протухшей рыбы. Анна брезгливо поморщилась, схватила комок, выбежала во двор и швырнула подальше за плетень. Но запах не спешил уходить, за одно мгновение пропитав все вокруг.

— Холодильник нам нужен, — мрачно сказала она, возвращаясь и протягивая Ратибору скудный завтрак: лепёшку и сыр.

Он усмехнулся, разламывая хлеб:

— Ледник только в княжьем тереме — в глубоком лазу под тремя саженями земли да соломой. Там, где лёд с зимы ещё не истаял.

Анна кивнула. До зимы ещё далеко. А ей уже сейчас невыносимо: продукты портятся быстрее, чем успеваешь их съесть... Она сглотнула, пытаясь избавиться от привкуса тухлой рыбы, который чувствовала на языке.

Запив сухую лепёшку и пересолённый сыр колодезной водой, она отправилась проверять цемянку. Сегодня в храме она заметила плитки в стенах — из такого же красноватого камня, как у неё. Только там они были глянцевые, сияли на солнце, будто покрытые лаком.

Её собственная плитка, сохнувшая под шелковицей, осталась матовой и пористой. Анна провела ладонью по шершавой поверхности. Такую на пол положи и попробуй помыть. Вода впитается мгновенно, а потом три дня сохнуть будет. Летом, пожалуй, неплохо: прохладно, свежо. Но зимой сырой пол — верная простуда, сырость, ломота в костях.

И тут Анну *торкнуло*.

А ведь правда!

Поверхность плитки под пальцами была чуть влажной и удивительно прохладной... Если выложить такими плитами яму, полить водой — они впитают влагу и будут держать холод! Настоящий погреб-холодильник!

Анна приложила плитки друг к другу, прикидывая размеры. Оптимально — примерно по полметра в длину, ширину и глубину. По девять плиток на стену, всего — двадцать семь. У неё пока только двенадцать. Значит, нужно смолоть ещё больше черепков, чем в прошлый раз.

Воспоминания о тяжёлой работе отзывались ноющей болью в плечах и спине. Но желание создать холодильник пересиливало усталость. Захотелось сразу же взяться за черепки. Вот только были гораздо более срочные дела, которые нельзя было отложить ни на час, ни на день...

Надо почистить рыбу, которую принесла с торгового, и сварить обед. Завтрак только расцарапал горло и раздражил желудок, но совсем не принес ни удовольствия, ни сытости.

Надо приготовить топленый жир и щелок для варки мыла. Иначе через пару дней придется грызть камни, ведь на обмен не осталось ни одного мыльного шарика.

Это еще не считая ставшей привычной рутину: полить глиняные полы водой, чтобы не задохнуться к вечеру, перевязать рану Ратибора, постирать и прокипятить бинты на завтра, немного прибраться в доме и во дворе.

А она еще и отрез купила, чтобы платье сшить...

Анна схватилась за голову и тихо простонала: — Ну как всё успеть?!

В этот момент из мазанки, шатаясь и покачиваясь, вышел Ратибор. Направлялся к колодцу, но замер, настороженно оглядывая двор: — Что случилось?!

— Дел много, — вздохнула Анна. — И обед надо готовить, а то рыба пропадёт, и мыло варить на обмен, и плитку делать. Такую...

Она взяла одну из сухих плиток, подошла и вложила прохладную, чуть влажную цемьянку в его ладонь.

Ратибор повертел плитку, прищурившись. Поверхность камня ловила свет, переливалась рыжеватыми прожилками.

— Крепкая... — протянул он. — Видел я подобие в храмах греческих. А ты, стало быть, и такое делать умеешь?

Анна молча кивнула.

— Это для неё ты черепки молола? — спросил он, постучав пальцем по плитке.

Снова кивок.

Ратибор на миг задумался, потом решительно тряхнул головой:

— Ты пока хозяйством занимайся. А я черепки в песок смелю.

— Ты же ранен! — вскинулась она.

— Ничего, — он улыбнулся, осторожно касаясь перевязанного плеча. — Рана почти зажила. И я буду осторожен. Обещаю. Понял уже, что гонор мой едва до смерти не довёл.

Анна посмотрела на него с сомнением, но спорить не стала. Если Ратибор взялся за дело — значит, так надо. Она знала: упрямство в нём было сильнее боли.

— Тогда не торопись и отдыхай почаще, — сказала она мягче.

Он кивнул, медленно направился к конюшне. Вернулся с тяжёлым деревянным ведром, доверху набитым черепками. Присел на землю у каменного порога, завернул осколки в ветошь. В здоровой руке сжал камень — и начал осторожно дробить черепки.

Камень глухо стучал по ткани — раз, другой... Звук был короткий, будто сдавленный. Ратибор часто останавливался, тяжело дыша, откидывался к стене, закрывал глаза на пару мгновений. Пот блестел на виске, капли скатывались по шее.

Анна краем глаза следила за ним — сердце сжималось от тревоги. Но она видела: он осторожничает, не рвётся напролом. Потому и не вмешивалась.

Сама же принялась за рыбу. Быстро очистила, морщась от резкого запаха тины и морской соли, нож скользил по чешуе — сухой, шершавой, будто старая кожа. Нарезала, бросила в горшок с водой, добавила коренья, травы — и поставила на огонь.

Пока рыба тушилась, залила золу кипящей водой: щёлок зашипел, смешиваясь, и наполнил воздух едким, горьковатым духом — так пахнет огонь, запертый в воде. Накрыла ёмкость тряпицей — пусть настаивается до вечера. Потом вытопила жир — аккуратно, не спеша, следя, чтобы не подгорел.

Между делом бегала туда-сюда, суетясь по хозяйству.

Солнце клонилось к закату. Тени удлинились, воздух остывал. Анна вытерла пот со лба, она успела сделать все, кроме пошива платья, хотя и пришлось хорошенько потрудиться.

Ратибор тоже не ленился и за день наполнил ведро керамической крошкой. Он сидел, прислонившись к стене, лицо блестело от пота, но в глазах светилась гордость.

— Я смог, — сказал он, заметив её взгляд.

Глава 29

Вдвоём работа шла гораздо быстрее, и дела, наконец-то, сдвинулись с мёртвой точки. Через пару дней новые плитки цемянки сохли под раскидистой шелковицей — ровные, красноватые, с едва заметными прожилками керамической крошки. Готовое мыло было скатано в плотные шары и заботливо завернуто в широкие листья лопуха для продажи и обмена.

Анна присела на корточки у края свежеврытой ямы за дверью мазанки — чуть в стороне, там, где никто не ходит. Провела ладонью по стенкам. Земля здесь была плотной, суглинистой — веками спрессованная почва под полом дома отлично держала форму. На дне, на глубине полуметра, уже чувствовался первый, робкий холод, поднимавшийся из недр. Она невольно улыбнулась: ещё немного, и у них будет настоящий холодильник, где рыба в глиняном коконе и кувшины с молоком не будут превращаться в отраву за полдня.

Плитку Анна решила положить на ту же цемянку. Только для крепости добавить в раствор ещё один секретный ингредиент: белок. Все знают, именно так поступали древние строители, когда возводили крепостные стены, которые простояли века.

Только они клали в раствор белок куриных яиц — а это делало стройку дорогим удовольствием. Но Анна знала, где взять дешёвый аналог. И не просто дешёвый, а почти бесплатный. Она видела, как на торгу молочница выливала прямо на землю остатки сыворотки, в которой хранился сыр. Для неё это отходы, а для Анны — источник того самого белка, казеина. Она ещё не пробовала, но была уверена: замена получится ничуть не хуже.

Ратибор, услышав, что Анне нужно ещё много молотых черепкой, тяжело вздохнул и, преодолевая слабость в раненом плече, принялся разбирать их ручную мельницу.

— Что ты делаешь?! — Анна замерла с горшком каши в руках. Время как раз было к обеду. — Зачем ломать?

— Не ломать, а чинить, — усмехнулся он, осторожно снимая тяжёлый верхний жернов здоровой рукой. — На этой мельнице молот — только пуп рвать. Она гуляет, нижний камень прокручивается, силу забирает.

— И что теперь? — Анна поставила горшок на землю, подошла ближе.

— Знаю, как исправить, — Ратибор вытер пот со лба. — Надо перенести её в середину двора.

Анна нахмурилась:

— Зачем? Тут, под стеной, хотя бы тень. На солнцепёке же сваримся!

— Потому что в тени влажно, — терпеливо, как ребёнку, объяснил Ратибор. — Крепить ремнями из сыромятной кожи буду. Тут она не схватится, гнить начнёт. А мне нужно, чтоб она «зазвенела».

Анна посмотрела на солнце — оно стояло в зените, палило нещадно. Но Ратибор был прав: в тени действительно сыро, а кожа должна высохнуть быстро и натянуться как следует.

— Хорошо, — кивнула Анна. — Тогда я тебе помогу.

Они принялись за дело. Ратибор вбил четыре длинных колышка из акации по периметру нижнего жернова. Анна сцепила обрезки сыромятной кожи, которые у неё остались после плетения, и подала Ратибору. Он обмотал его вокруг колышков, продел палку-притуг и начал закручивать, как медицинский жгут. Кожа была влажной, податливой, пахла сыростью и старым жиром, но под палящим солнцем Тмутаркани изменения начались почти мгновенно. Вода испарялась, белковые волокна сыромяти сжимались с чудовищной силой.

— Смотри, — Ратибор через час похлопал по ремню. Тот уже не прогибался, став твёрдым и тёмным, как мореный дуб. — Уже держит.

Первое испытание превзошло все ожидания. Мельница, намертво притянутая «костяным» обручем к земле, больше не вибрировала. Черепки, которые Ратибор заранее раздробил

в мелкую крошку, превращались в розовую муку почти без усилий. Анна даже засмеялась, видя, как быстро пустеет ведро с крошкой:

— Обалдеть! Мы всё-таки сделаем пол! И никакой больше жидкой глины и грязи в доме.

Ратибор улыбнулся, вытирая серую от пыли руку об рубаху:

— Сделаем.

Анна замолчала, разглядывая одну из готовых плиток. Её поверхность была матовой и пористой — под пальцами ощущалась лёгкая шероховатость.

— Осталось придумать, — сказала она медленно, — как сделать её глянцевой. Чтобы поверхность отталкивала влагу. Чтобы можно было помыть — и сразу сухо.

Ратибор прищурился, разглядывая одну из плиток:

— Гладкой, значит... — он задумался, искренне желая помочь. — Может, попробовать обжечь? Или загладить? Я видел, как при строительстве храма рабы камнями выглаживали пол...

Анна покачала головой:

— Обжиг сильнее — потрескается. А загладить... — она замолчала, вспоминая. — Думаю секрет не только в разглаживании... В храме я видела, как плитки блестели на солнце. Будто лаком залиты. Но как сделать такой лак... Я пока не знаю.

Она подняла голову, посмотрела на Ратибора. В его глазах читалась та же мысль: задача непростая, но теперь, когда мельница работала исправно, а материалы были под рукой, она уже не казалась невыполнимой.

Анна улыбнулась. Впервые за долгое время она чувствовала, что этот чужой, пыльный мир начинает приносить не только трудности, но и радость. А еще она больше не была одна.

— Значит, будем думать, — сказала она решительно. — И найдём способ.

Ратибор кивнул:

— Найдём...

Глава 30

Через пару дней холодильник был готов. Анна хорошенько промазала швы раствором цемьянки, замешанным с молочной сывороткой, и оставила подсыхать. Теперь можно было измерить размеры крышки и заказать её Дращко.

Анна не была на торгу несколько дней — слишком много работы навалилось сразу. Они с Ратибором съели все запасы под чистую. Закончилось всё: и мука, и крупы, и курт, который Анна приспособилась разбивать ступкой и бросать в кашу для вкуса и аромата. В ход пошло даже вяленое мясо. Его Анна купила в первый поход на рынок, и всё это время оно пролежало в сундуке: готовить эту твёрдую и солёную «подошву» оказалось довольно сложно. Надо было с вечера замочить мясо в воде — и только утром оно становилось пригодно для готовки. В похлебке оно все равно напоминало вареную веревку, но после голодного дня казалось лучшей едой на свете.

Зато и сделано оказалось много. Помимо укладки плитки в будущем холодильнике, Анна сварила две партии мыла, использовав весь жир, что у неё был, накатала два десятка шариков на продажу и ещё пять — на обмен. Ратибор смолот в песок почти все черепки, которые лежали в кучке у конюшни. За эти дни он окреп: хотя всё ещё очень уставал к вечеру, но чувствовал себя довольно сносно.

— Завтра утром к морю пойдём, — сказал Ратибор, протирая тряпичей жернов мельницы от красной пыли, которая покрывала его с ног до головы, превратив светлые волосы в рыжий парик.

— Я хотела на торг... Еды нет, — растерянно пробормотала Анна, чувствуя, как страх уколом пронзил сердце.

Она сама не знала, чего боялась: то ли того, что придётся выйти из привычного уже мира и оказаться в дикой степи, где, теперь-то она точно знала, рыщут кочевники в поисках рабов, то ли того, что останется наедине с Ратибором. Анна до сих пор, думая о нём, терялась в догадках: кем он видит её рядом с собой? Она помнила, как он назвал её своей в первый день, когда они пришли в город. Но кем? Неопределённый статус пугал, заставлял вздрагивать — особенно если мысли об этом мучили её ночами. А теперь она представила: она и он наедине на пустом берегу... И последнее: да, Ратибор прикрыл её, когда она жгла свои вещи, но что он скажет, когда увидит их собственными глазами?

— На торг успеем, — кивнул Ратибор. И добавил, — завтра затянет небо, пойдёт хмарь. В такую погоду пастухи и стража побережья сидят по домам. Чёрный дым смешается с тучами и туманом. Никто не увидит, что ты жжёшь, и никто не придёт на запах. А вечером будет буря, которая скроет все следы...

— Буря?! — Анна резко повернулась, глядя на Ратибора с надеждой. — Завтра будет буря?!

В груди что-то дрогнуло. А вдруг она вернётся обратно? Домой?! Она ведь попала сюда из-за бури. Даже если есть хоть один шанс вернуться в своё время, она не может его упустить. Все страхи тут же были забыты. Захотелось, чтобы быстрее наступило утро. Захотелось отправиться в путь прямо сейчас, чтобы не пропустить то самое начало бури, которое кардинально изменило её жизнь.

— Хорошо, — кивнула она. — Значит, выходим завтра на рассвете.

Ратибор кивнул. В его глазах мелькнуло что-то — он заметил столь явную перемену в её настроении. Но пока, похоже, не знал, как к этому относиться.

А Анна против воли улыбалась весь вечер. Надежда на крохотный шанс вернуться сводила с ума. Может, зря она разбила смартфон? Может быть, завтра она вернётся в свою жизнь — туда, где связь, интернет и цивилизация XXI века?!

Она не спала всю ночь. И едва первые лучи солнца коснулись горизонта, встала. Надо было собираться... Домой! В груди замирало от смеси радости и страха. Анна понимала, что её надежда может оказаться напрасной, но ничего не могла с собой поделать. Слишком сильно ей хотелось вернуться.

Достала рюкзак, сунула туда джинсы и рубашку, которые оставила в сундуке. Думала: раз местные уже видели на ней эту одежду и ничего не сказали, можно и оставить. Надела своё бельё, спрятав его под грубым льняным платьем — если придётся переодеваться там, дома, будет проще. Поспешно пожарила две лепёшки из последней горсти муки — на завтрак. Хотя ей самой кусок в горло не лез: в животе всё сжалось в тугой тревожный узел.

«Домой...» — мысленно повторила она.

Она подняла Ратибора. Он что-то говорил, и Анна кивала, не вслушиваясь в его речь. А когда пыталась вникать, сразу отвлекалась и забывала, о чём он говорит, в тот же миг. Потому что думала о том, как расскажет Кириллу о своих приключениях. И как жадно брат будет слушать о том, как Анна побывала в самом настоящем прошлом — том прошлом, которое он изучал. Интересно, он ей поверит или нет?

Дорогу до моря Анна почти не запомнила. В её памяти осталось только: ровные шаги Ратибора и его рука, которую он подавал ей, помогая преодолеть спуски и подъёмы на пути к берегу. Ратибор привёл её почти в то же самое место, куда она попала. По крайней мере, ей так казалось: кромка воды, рыжая трава, холмы... Чуть в стороне — устье реки. Ратибор называл Копой. И если морской берег был голым, то там, где текла река, росли деревья и свежая зелёная трава. Кажется, она видела её, когда попала сюда.

— Пришли, — улыбнулся Ратибор. Он чувствовал её смятение, её нетерпение, хотя не понимал, чем оно вызвано. Улыбка получилась напряжённой. — Остановимся там, — ткнул пальцем в заросшее устье. — Там костёр никто не увидит.

Анна помотала головой и бросила рюкзак, который несла за плечами, на край влажного после прилива песка.

— Я буду ждать здесь.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.